

Странные романы

Юрий НИКИТИН
Сингомэйкеры

«ЭКСМО»

2008

Никитин Ю. А.

Сингомэйкеры / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2008 — (Странные романы)

ISBN 978-5-699-27592-2

Это уже второй ужастик. На этот раз – оптимистический. Как может быть ужастик оптимистическим? Ну, прочитавший – поймет. Все дело в том, где читатель окажется в момент, когда Ноев ковчег отчалит от берега. А попасть в команду ковчега или же остаться на берегу, на этот раз будет целиком и полностью зависеть от самого читающего. Потому что на этот раз о дне потопа будут знать все.

ISBN 978-5-699-27592-2

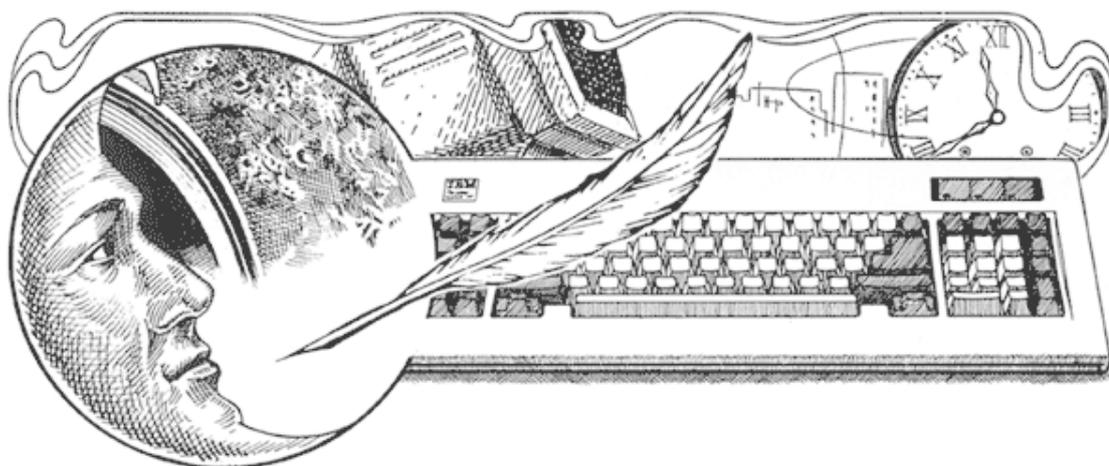
© Никитин Ю. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Александрович НИКИТИН СИНГОМЭЙКЕРЫ

Предисловие

Да, как уже сказал в аннотации, это ужастик, но ужастик совсем другого вида и рода, чем страшилки ушедшего века и авторов прошлого мира. Я брезгаю картонными схемами и никогда не опущусь – я же эстет, мадам! – до описания вставших из могил мертвецов, зомби, вампиров, будь это в Средневековье или в современной Москве. Или там мерзких червей, что по ночам заползают в уши, бр-р-р, как ужасно, ужасно!

Мы вступаем... нет, нас стремительно вносит в новую эпоху, что может оказаться неимоверно, ну просто неслыханно прекрасной!

А может, если прохлопаем ушами, с точностью до наоборот. И тогда вставшие из могил мертвецы покажутся добрыми плюшевыми мишками.

Собственно, разъяснять, что за роман и о чем он, не буду, да и никогда этого не делал. Прочтете, поймете. Хочу сказать несколько слов совсем о другом.

Орков придумал Толкиен. И вот целая толпа пишет фанфики про орков. Никто даже не попытается придумать хотя бы другой вид или расу, просто берут готовых орков и пишут либо о них, либо берут их в качестве злобных сил, с которыми борется главный герой. Ни проблеска собственной мысли, ни единой попытки что-то придумать. Перекладывают кубики с кусками текста и называют это творчеством.

И это в наше время, когда всем нам, или почти всем, предстоит войти в сингулярность или... остаться за ее порогом! Не секрет и то, что в инете немалую долю отзывов о вышедших книгах оставляют не столько читатели, как менее удачливые авторы. Чаще всего это оркописцы, которым только и остается, что попытаться хотя бы негативным откликом снизить успех конкурента. Ну, что делать, такова человеческая натура... Надеюсь, при переходе в сингулярность эту «чиста человеческую черту» вычеркнем на фиг. Пусть все это «богатство человеческой природы» остается здесь, среди людей.

Обычно трудно возразить что-то против новизны идеи или темы, которой никто, оказывается, не касался, зато можно сказать, что в литературном плане – полная фигня, в детский сад, Бобруйск, афтар убейся ап стену. Прием безошибочный, о любом авторе и любом произведении действительно так сказать можно, и никогда не промахнешься. Любого можно править и править, потому человек, который свысока роняет, что идея – ерунда, это не главное, а главное – литературное исполнение, может новичка, свято верящего печатному слову даже в инете – есть и такие наивные!!! – толкнуть на неверное понимание роли литературы.

К счастью, в массе читатель психически здоров, голосует рублем, что выражается в тиражах, в то время как безукоризненно вылизанные и обвешенные всеми мыслимыми литературными премиями вещи выходят один раз малым тиражом и на этом благополучно склеивают ласты. То есть вообще-то все путем, но и мелкие камешки на пути прогресса раздражают, если их можно убрать.

Нам всем жить в таком невероятном будущем, которое сейчас даже нам, передовым и продвинутым, кажется немислимым. Посмотрите энфэшные фильмы прошлых лет! В рубках суперзвездолетов допотопные телефоны с проводами: до мобильных никто из создателей фильмов не додумался. На нашем веку появились видеоманитофоны, пейджеры, стримеры – успели устареть и уйти в утиль. Скоро сдадим в утиль мобильники, компьютеры и проигрыватели дисков... а что придет взамен? Что резко изменит нашу жизнь? А ведь придет и очень резко изменит. Кто бы мог подумать даже лет десять тому, что человек, выходя из дома без мобильного, будет чувствовать себя таким беспомощным, что ну просто инвалид!

Какая будет мораль и какими станут взаимоотношения? Идиотов, уверяющих, что в плане морали ничего не меняется со времен Древнего Египта, – в бобруйский заповедник.

Только на моей жизни мораль изменилась так, что мама не горюй, а сейчас изменения резко ускорились.

Старые романы о будущем было читать не так уж интересно, там мир, где будут жить внуки наших внуков. Мне, как и любому, интереснее прочесть, что будет со мной и как это коснется моего огорода. Так вот большинство специалистов утверждают, что в 2030 году достигнем бессмертия, человеческое тело можно будет перестраивать как хочешь тут же в своей квартире по своему желанию... и пр., пр., пр. Так что не будут, ну не будут в 100 000-м веке летать на звездолетах и стрелять друг в друга из пушек! Даже из лазерных.

Но 2030-й, год предполагаемой сингулярности, – это время, в котором жить нам... или вам, а не праправнукам, как почему-то думается. Это – вызов и... жестокий год отбора.

Вы лично хотите войти в мир будущего или остаться?

Дело в том, что это сейчас прогресс тащит всех, не спрашивая. Но при нынешнем постоянном ускорении скоро придет миг настолько резкого скачка, что всех тащить просто не сможет. Лишь каждый в отдельности и осознанно войдет в непривычный и незнакомый мир Сингулярности. Или... останется в нашей привычности.

Вы что выбираете?

Разговоры об этой книге и Сингулярности вообще идут здесь:

<http://transchelovek.ru/forum/0-0-1-34>

Часть I

Глава 1

Теряя работу, остро чувствуешь беспомощность и даже страх перед жизнерадостным, но равнодушным лично к тебе миром.

Подписав обходной листок, я получил расчетные деньги и, не прощаясь с коллегами, став меньше ростом и невольно ссутулив плечи, поторопился к выходу. Все вокруг как будто укрупнилось, все теперь выше рангом и сортностью, вчерашние мои сотрудники спокойно разгуливают по коридорам, торчат в курилке, абсолютно уверенные в завтрашнем дне, никто не чувствует себя так гадко, как я.

С тянущей пустотой под ложечкой, будто иду по краю пропасти, а впереди дорога еще опаснее, я дотащился до троллейбусной остановки. Ждать пришлось долго, к тому же переполнен, люди на подножках, кто-то пытается выйти, зло пихается, но я втиснулся, а там в бестолковой толчее перетерпел восемь пролетов. На предпоследней остановке можно было бы даже сесть, но я никогда не сажусь: ненавижу вскакивать перед входящими наглыми бабищами, что сразу требуют, чтобы им уступили место, эти бомбовозы, видите ли, женщины!

Живу в однокомнатной, кошки или собаки нет, даже рыбок не завел, из живности иногда появляются женщины, но лучше бы уж рыбок. Впервые захотелось упасть на диван и предаться отчаянному самокопанию: ну почему я не такой, как все? Ну потребовал академик Кокошин, чтобы я делал работу о каких-то чертовых ацтеках, про их веру в полезность массовых человеческих жертвоприношений для урожая, ну и фиг с ним, сделал бы. Тем более что эту теорию и выдвинул сам Кокошин, он ее всячески пропагандирует и мою работу оценил бы высоко, помог бы продвинуться, а к жалованью с его помощью добавилось бы еще долларов пятьдесят-восемьдесят...

Я обнаружил, что хотя только что вроде бы зашел в квартиру, но уже сижу перед экраном, курсор прыгает по иконкам, открывая страницы, располагая в отдельных окнах, так же произвольно из-за этих чертовых гиперссылок влезаю все глубже и глубже. В холодильнике пусто, помню, а сейчас конец рабочего дня, будет час пик, после которого даже в «приличных» магазинах будут очереди, которые ненавижу...

Прозвенел мобильник, я машинально нащупал похожую на мышонка коробочку на столе.
– Алло?

На экранчике появилось лицо Петра, одного из случайных приятелей, с которым сошлись на почве общей неустроенности в личной жизни.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил я нехотя.

– Ты где?.. – спросил он.

Я поднял мобильник над головой и медленно покрутил кистью, чтобы не рассказывать, что я в инете, один и никакая подружка не сидит у меня на коленях.

Он охнул с явным огорчением:

– Вижу, один. Дома? И опять за компом?

– Ну да.

– Эх, – сказал он печально, – что ж так?

– А что не так? – отпарировал я.

– Ну, я думал, ты с девочкой... А она пригласила бы подружку...

– Не до них, – ответил я, – работа и еще раз работа, как сказал Генри Форд. Или Томас Мор, не помню.

Он хохотнул.

– Это сказал Черчилль. Ладно, не засиживайся слишком. Не забывай, годы идут. Скоро импотентами станем...

– Надеюсь, не скоро, – ответил я недовольно.

Он хохотнул и отключился, все-таки настроение подпортив еще больше. Мне двадцать восемь, мои сверстники уже почти все женаты. А некоторые по второму или третьему разу. У меня же только один брак за спиной, что распался тихо и мирно, когда оказалось, что быстрое восхождение к научным степеням не дает ощутимой добавки в бумажнике.

С великим трудом заставил себя оторваться от экрана. В холодильнике в самом деле не просто пусто, а крайне пусто. Пусто – это когда заполнено на треть, а когда как у меня, то вообще и слова в русском языке такого нет, кроме тех, что раньше в седую старину писали на заборах, а теперь, за отсутствием заборов, – на стенах лифтов и в подъезде.

Есть категория людей, что в магазинах не смотрят на ценники, просто берут нужный товар в необходимом количестве и топают к кассе, я же и раньше трусливо прикидывал: уложусь или не уложусь в захваченную из дома сумму. Сегодня я прошел мимо «престижного» магазина, который на самом деле просто средний по цене и качеству товаров, там дальше супермаркет для таких, кто считает каждую копейку. Теперь к ним принадлежу и я, пока не отыщу новую работу. Хоть какую.

В этом магазине народу полно, в кассе очереди. Сразу вспомнилось недоброе время авторитарного режима, я застал еще ну совсем мелким, помню пустые полки и очереди, очереди. Сейчас полки не пустые, но товар в этом магазине в основном с подходящим к концу сроком годности, который изымают из продажи в других магазинах и, резко снизив цену, передают сюда. А здесь пенсионеры берут, справедливо полагая, что вещь не обязательно ломается на второй день после окончания срока гарантии, а молоко не скисает сразу же после указанного срока.

Я натерпелся стыда, выстояв среди стариков и старух, все время понимал, что смотрят осуждающе. Молодые теперь должны уметь зарабатывать, а если отовариваюсь в таком магазине, то ни одна женщина не посмотрит в мою сторону. Это хуже, чем алкоголик, тот может быть и хорошо зарабатывающим, а когда вот такой никчемный...

Вернулся угнетенный и, хотя адски хотелось есть, перегрузил из пакетов в холодильник. По экрану компа чередой проходят красотки скринсейвера, вот еще одна забота: теперь, выходя из дома, придется выключать. Инет у меня анлимный, но за электричество платить надо. Это раньше я пренебрегал таким пустяком: на рубль больше – на рубль меньше, да ерунда, а теперь, когда придется растягивать даже не рубли, а копейки...

И снова я поймал себя на том, что уже сижу перед экраном, курсор как будто сам по себе щелкает по всплывающим ссылкам. Я вроде бы не комповый нарк, просто инет мне всегда помогал в работе, а также давал все развлечения, какие душе потребно. А сейчас дает успокоение...

Рядом на окне почудилось некое шевеление. Я скосил глаза в ту сторону и охнул. Прошлой осенью в раскрытое окно заползла ядовито-желтая гусеница, начала взбираться по стеклу, но двигалась все медленнее, наконец не смогла бороться с дремотой и заснула, окуклившись на стыке стекла и деревянной рамы.

Я тогда еще потрогал пальцем, намереваясь скovyрнуть и выбросить, но блестящий, как пуля, кокон крепко прилеплен липкими нитями, готов выдержать дождь, ветер, даже снег и мороз, но, конечно, не успевший учесть возможности опередившего всех зверей человека.

Перезимовав, блестящая шкура подсохла, я уже думал, что погибла, в комнате воздух сухой, а за эти месяцы потеря влаги должна быть смертельной, но сейчас вот кокон потрескался, как весенний лед на реке, готовясь к ледоходу, даже начинает шевелиться...

Оставив комп, я с удивлением смотрел, как в одну из трещин просунулась тонкая лапка. На экране что-то мелькает новое, но я не мог оторваться от зрелища, как с невероятным трудом, часто останавливаясь на короткий отдых, слабенькое существо упорно пытается выбраться наружу. В другую щель высунулись усики с шариками на кончиках, пока что вялые, согнувшиеся под собственной тяжестью, но медленно наполняющиеся кровью.

Наконец бесконечно слабая бабочка взломала остатки истончившегося хитина и выползла из неопрятного кокона. На спине нечто вроде грязного мешка, но я почти видел, как работает крохотное сердце, нагнетая в кровеносные сосуды кровь. Хлам на спине зашевелился, начал распрямляться, распался на две мятые изжеванные кучи. Обе, по мере поступления крови в жилки, медленно принимали форму пока что скомканных крыльев.

Потом новорожденная бабочка несколько минут просто сидела, робко двигая все больше выпрямляющимися крыльями. То ли обсыхает и дает новой коже затвердеть под действием воздуха, то ли еще не верит, что у нее отросло такое, которым еще надо научиться пользоваться. Я потерял терпение, повернулся к дисплею, но иногда поглядывал на нее поверх рамки экрана. Едва не проворонил момент, когда она поползла вверх по стеклу, волоча брюшко, неумело взмахнула крыльями, пробуя сопротивление воздуха, для нее он такой же плотный, как для меня вода, взмахнула еще пару раз и... свалилась на подоконник.

Я с сочувствием наблюдал, как барахтается на боку, тонкие лапки беспомощно хватают воздух, не выдержал и осторожно поддержал ее кончиком пальца. После третьей или четвертой попытки она сумела все-таки взлететь, начала биться о стекло, и тогда я распахнул окно. Накопленный гусеницей жирок заканчивается, ей нужно срочно найти еду...

А мир велик и непонятен, совсем не тот, каким знала гусеницей. Я тяжело вздохнул, возвращаясь в свой жуткий и очень негостеприимный мир, а пальцы сразу нащупали грызуна и щелчком открыли необъятную панораму инета.

Я успел подумать, что успокоение – это в данном случае хреново, инет служит заменой бутылке водки, а результат тот же: забыться и уйти из этого жестокого мира, где не ценят, не понимают, топчут грязными копытами, совсем озверели... но тихонько зазвенело, я привычно открыл окошко аськи, потом посмотрел на скэйп и лишь затем сообразил, что звонит допотопный телефон, стационарный, таким пользовался еще дедушка Ленин.

– Алло?

На том конце приятный женский голос произнес:

– Господин Черкаш? Минутку, соединяю.

Несколько секунд я слышал только шорох, затем густой сильный голос уверенного в себе человека прозвучал так, словно он сидит рядом:

– Господин Юджин Черкаш?.. Это Эдуард Кронберг, служащий некой благотворительной фирмы. Я как-то года три тому прочел одну из ваших работ. Там было о необходимости освобождения рабов в Древнем Риме. Очень понравилось...

– Чем? – поинтересовался я невольно. Всегда льстит, когда работы, рассчитанные на узких специалистов, читает кто-то из тех, на кого не надеялся. – Вы историк?

– Не совсем историк, хотя близко... Понравилось, как четко и уверенно вы доказали, что освобождение рабов в Риме, Греции и вообще в мире, вплоть до Штатов, было вызвано чисто экономическими задачами, а вовсе не гуманитарными. И что никто бы их не стал освобождать, если бы из свободных людей не додумались выжимать больше прибыли, чем из рабов, ха-ха!

Я невольно кивал, в своих работах в самом деле объяснял очевидную для меня истину, но непонятную абсолютному большинству, что рабский труд на самом деле очень непроизводителен: на прокорм раба уходит почти столько, сколько он зарабатывает, а о свободном можно не заботиться, это его проблемы, как не откинуть копыта. И в Штатах отменили рабство потому, что на Севере свободные люди трудились куда каторжнее и давали больше прибыли, чем на рабском Юге. И потому СССР отстал в экономическом соревновании, что человек был фак-

тически рабом у хозяина-государства, и вот даже теперь, через двадцать лет после крушения СССР, осталась привычка работать кое-как, часто отдыхать, по любому поводу праздновать по несколько дней – ни в одной стране мира нет столько праздников с нерабочими днями! – а по-настоящему, по-свободному, вкалывают только те частные предприниматели, что не знают выходных и праздников, а сами работают по двенадцать часов в сутки.

На том конце провода голос продолжал благожелательно:

– Наши сотрудники в своих работах уже дважды опирались на ваши выводы... да-да, читают академические журналы!.. вот наконец заинтересовались вами всерьез. В том смысле, что хотели бы переманить вас к себе.

Сердце мое начало стучать быстрее, сперва недоверчиво, затем с возрастающей надеждой. Неужели удача постучалась ко мне сама, а не мне, как обычно, обивать пороги и выслушивать где вежливый, а где и хамовитый отказ? А здесь не просто «изволить принять», а использовано такое лестное слово, как «переманить»...

Я совладал с голосом и поинтересовался как можно равнодушной:

– А что за фирма? Чем занимаетесь?.. Я все-таки слишком... теоретик. Не умею ни копать, ни рыть. Мне трудно представить себе, что где-то есть работа именно по моему профилю.

С того конца провода донесся смешок.

– Представьте себе, у нас как раз работа по вашему профилю! Да и плохие мы были бы коммерсанты, если бы доктора наук приглашали на работу копальщика или рыльщика. Давайте договоримся о подходящем для вас времени, когда вы сможете подъехать для переговоров...

Я сглотнул слюну, ответил все-таки чуточку охрипшим голосом:

– Да я, как теоретик, всегда свободен. Так что могу завтра. В какое время вам удобно?

– Давайте в шестнадцать сорок? – предположил голос, но я чувствовал, что это не предложение или пожелание, а прямое указание, когда и в котором часу предстать, вытянув руки по швам. – Надеюсь, высвободите полчаса на это время.

– Высвобожу, – пообещал я послушно.

– Вот и хорошо, – произнес голос, – тогда до завтра. Запишите адрес...

Я слушал, чувствуя, как сердце начинает стучать чаще, вдруг это и есть долгожданный шанс, который каждого посещает раз в жизни, здесь главное – не упустить... но это стремление телеканальные идиоты-ведущие тоже используют для дурацких приколов, над которыми потом ржут слесари-водопроводчики, их основная аудитория, потому я совладал с дрожью в голосе и ответил как можно спокойнее:

– Хорошо, давайте ваш телефон, перезвоню.

– Пишите, – ответили на том конце провода. – Мой мобильный...

– Нет-нет, – сказал я, – дайте официальный телефон фирмы. Который в справочниках.

– А-а-а, – ответил голос после короткой паузы, – вот вы зачем... Все понятно, вы абсолютно правы. Записывайте... Если заблудитесь, перезвоните вот по этому номеру. Вам объяснят, с какой стороны проще подъехать, а то у нас движение затруднено, а стоянка только для наших сотрудников.

Записывая первые три номера, я одновременно кликнул по яндексу, выпрыгнула искомая страница. Да, телефоны существуют, организация такая тоже есть. Располагается в достаточно приличном здании в центре, а это немалые деньги за аренду. Так что не бедные.

– Разберусь, – пообещал я.

– Тогда до завтра.

– До завтра, – ответил я.

На том конце шелкнуло, я остался с трубкой в руке, а потом опустил на рычажки с такой осторожностью, будто это неразорвавшийся снаряд Второй мировой. В череп полезли мысли о розыгрыше, это могли быть коллеги по кафедре, меня не слишком жаловали: я не прогнул

под нажимом Кокошина, а остальных он заставил работать по его темам, создавая таким образом «школу». Понятно, что я, как живой укор, всем мозолил глаза. Впрочем, теперь меня нет, заноза исчезла, а сам по себе я никому на кафедре не насолил и не стал врагом, чтобы мне мстили и после ухода.

Глава 2

Полночи я проворочался, пытаюсь заснуть, но сердце стучит так громко и требовательно, что я встал, ноги понесли к компу, а там необъятный сладостный мир инета... но заставил себя свернуть на кухню, руки так тряслись, что едва не выронил аптечку, из которой умею пользоваться только анальгином.

Принял таблетку, за неимением снотворного, и, странное дело, анальгин, расширив сосуды, заставил тело расслабиться. Я наконец заснул, хотя уже почти утро, а проснулся достаточно свеженький и уже взбудораженный, посмотрел на часы, раннее утро. В ванной из зеркала взглянуло бледное лицо интеллигента, небольшие круги под глазами, морда вытянулась, но начальнику отдела кадров, думаю, по фигу, как выглядит претендент на свободную вакансию, лишь бы пахал и не слишком закладывал за кадык.

Время тянулось настолько мучительно медленно, что, даже погрузившись в инет, я время от времени в недоумении и беспокойстве поглядывал на часики в уголке экрана: время замедлилось или же мои реакции настолько взметаболизировали?

За час до шестнадцати я уже стоял на троллейбусной остановке, шесть остановок до станции метро, там еще восемь перегонов, пересадка на другую ветку, четыре перегона, и я вышел в двух кварталах от указанного адреса. Старый центр, улочки тесные, кривые, машинами заставлено все пространство, пешеходы едва протискиваются под стенами: автомобили заполонили и тротуары. Будь у меня машина, пришлось бы оставлять ее бог знает где, а потом ножками-ножками.

Красный забор, красный кирпичный старинный храм, явно относится к памятникам, охраняемым государством, так как не видно ни попов, ни богомольных сварливых бабок. В глубине скромно расположилось добротное здание старой постройки, недавно отштукатуренное, но небрежно, на скорую руку и кое-как, явно гастарбайтерами из южных республик, никогда не державшими в руках кисть и мастерок. У подъезда слева тускло поблескивает медью небольшая доска.

Я прочел дважды: «Благотворительный фонд содействия укреплению связей между культурами», всерьез встревожился, все только и говорят, что через такие вот благотворительные фонды отмываются громадные бабки. Не хотелось бы держать ответ перед судом за растраченные деньги, которых в глаза не видел, в то время как хозяева фонда положат в швейцарский банк очередные пару миллиардов долларов.

Три ступени ведут к массивной двери, я потянул за ручку, заперто. Слева от двери вмонтированный в стену черный ящичек с темным блестящим «глазком» телекамеры и решеткой переговорного устройства. Приосаниваться поздно, рассмешу, если кто сейчас наблюдает за мной, я просто нажал кнопку звонка.

Через мгновение из решетки раздался суровый мужской голос:

– Ваше имя?

– Евгений Черкаш, – ответил я. – Звонивший отсюда, правда, меня назвал Юджином.

Мужской голос ответил с пониманием:

– Они все русские имена на свой лад переводят. Я – Василий, так они меня зовут Бэзиллом... Входите!

Щелкнуло, дверь чуточку отодвинулась. Я потянул на себя, чувствуя, что открываю люк в башню крейсера, переступил порог. Справа в небольшом холле мужчина в униформе охранника поднялся из-за барьера, глядя сурово и требовательно.

– Паспорт?

– Пожалуйста.

Он быстро просканировал взглядом страницы, я стоял смирно, не желая отвлекать неосторожным движением, а то вдруг подумает, что выхватываю из-под полы автомат.

Наконец он вернул документы и кивнул в сторону коридора:

– Прямо, а там скажут.

Я молча двинулся в указанном направлении. Очень добротно и некричаще отделано, чувствуются действительно большие деньги. Был как-то в одной богатой фирме, так там буквально все кричало о роскоши, о богатстве, о виллах на Канарах, а здесь все достойно, достойно.

В конце коридора нечто вроде кабинета, но вместо стены стойка мне по пояс. По ту сторону за столом перед экраном компьютера высокая золотоволосая девушка с крупным породистым лицом валькирии. Она вскинула на меня глаза, голубые на загорелом лице, высокие скулы аристократки и выступающая нижняя челюсть воина, плечи пловчихи, а крупной груди позавидует Памела Андерсон. У сидящих трудно определить рост, но, пожалуй, выше меня на полголовы.

– Да? – спросила она вопросительно. – Чем могу помочь?

Я опомнился, развел руками.

– Простите, засмотрелся. Вы не снимались в «Нибелунгах»?.. Мне назначил встречу господин Кронберг.

– Минутку, – ответила она, взгляд перепрыгнул с моего лица на экран, пара переключений, она кивнула: – Да, поднимайтесь на второй этаж.

– Благодарю, – ответил я с поклоном.

По лестнице поднимался, чувствуя на спине ее взгляд и очень довольный собой, что так умело вернул насчет «Нибелунгов». Вообще-то я всегда запаздываю с комплиментами, как и в отношениях с женщинами, но, к счастью, время патриархата прошло. Теперь если постесняюсь подойти к понравившейся женщине, то она сама подойдет, познакомится, позовет к себе потрахаться, а то и оттрахает тебя тут же за углом. Словом, хорошее пришло время.

Лестница вывела в небольшой чистый светлый холл, за большим столом миниатюрная девушка с башенкой блестящих, как крыло новенького «мерса», черных волос. Похоже, подняла повыше, чтобы компенсировать рост, сейчас все комплексуют, что у них не метр восемьдесят пять – необходимая планка, чтобы предложить себя в манекенщицы.

Она посмотрела на меня, улыбаясь и вся лучась радостью, словно увидела старого друга.

– Вы пунктуальны, – сказала она щебечущим голосом.

– Спасибо, – ответил я. – Я этот... э-э... Евгений Черкаш.

– Я знаю, – сообщила она так же радостно и посмотрела словно бы с укором, как я мог подумать, что такого замечательного парня она не знает. – Да-да, вам назначено.

– Спасибо.

Однако, взглянув на часы, она сказала уже более деловито:

– Вас ждут, однако... минуту.

– Я подожду, – ответил я поспешно.

Она нажала клавишу, произнесла отчетливо:

– Господин Черкаш в приемной.

Я рассматривал ее, чувствуя некоторое несоответствие ее внешности довольно скромному состоянию здания. Хотя здесь, в старом центре, все стоит баснословно дорого, но такое впечатление, что фирма не слишком богата, в то же время обе секретарши производят впечатление молодых герцогинь. Если на конкурсах «Мисс Вселенная» и не заняли бы первые места, а довольствовались разве что пятыми-шестыми из-за недостатка в облике блинности, то по манере держаться, осанке, полному достоинству облику и вообще ауре – самый высший свет.

Она взглянула на меня внимательно:

– Заходите. Только господин Кронберг очень занятый человек, не засиживайтесь.

– Учту, – ответил я кротко.

Она не поднялась, чтобы распахнуть передо мною дверь, я сам потянул за литую медную ручку, не слишком массивную, не слишком вычурную, а в самый раз для здания средней ветхости и фирмы среднего достатка.

Кабинет неширок, просто большая комната, на полу дешевая дорожка. За массивным письменным столом сидит мужчина и, скосив глаза на дисплей, что-то выстукивает одним пальцем на клавише.

Я медленно пересек пространство, он кивнул, не отрывая взгляда от невидимой для меня картинки.

– Садитесь. Я сейчас закончу...

Будь эта фирма еще ниже достатком, я бы решил, что меня выдерживают, чтобы дать понять свою значимость, но тогда бы начали выдерживать еще в приемной, да и этот господин Кронберг не выглядит человеком, склонным к таким дешевым штукам.

Настоящий английский аристократ той эпохи, когда Англия еще была Англией, а не пуделем, пристегнутым к американскому бронетранспортеру. Тогда ни один англичанин, разговаривая с кем-то, не держал руки в карманах, раньше такое было бы равносильно самоубийству для джентльмена. Я когда смотрю на нынешнего премьера Англии, сразу вижу, что он кандидат от лейбористов, то есть рабоче-крестьянской партии, и потому чешет свои фаберже в присутствии и на виду на полном рабоче-крестьянском основании: принимайте меня таким, какой я есть, и сами того... не стесняйтесь, мы же от обезьяны.

Этот же строг и величественен, хотя не на троне, а за компом, да еще одним пальцем. Умное удлиненное лицо сосредоточено, на лбу складки, одет безукоризненно, я не вижу его носки, но уверен, что в цвет и тон галстуку. Если, конечно, их под цвет галстука кто-то подбирает. За столом сидит не по-тониблэрски, а с прямой спиной, плечи развернуты, словно десятки фотокорреспондентов снимают его для обложки журнала, который разоидется среди своих, а не среди лейбористски настроенных тониблэров.

По заключительному движению я понял, что он энтеряхнул, лицо просветлело, но не от вспыхнувшего экрана, это только в кино дисплей освещает работающего, подобно фарам автомобиля, просто чуть-чуть расслабился и даже улыбнулся, довольный результатом.

– Простите, – сказал он, переводя взгляд внимательных серых глаз на меня, – что задержал. Итак, господин Черкаш, сразу к делу, если вы не против.

– Да-да, – сказал я торопливо, – буду рад...

– Один наш сотрудник, – продолжил он, рассматривая меня спокойно и бесстрастно, – как-то наткнулся на ваши работы, творчески использовал одну из ваших идей... и она увенчалась успехом.

– Рад...

– Мы тоже рады. Получилось так, что мы обратили на вас внимание. И сейчас намерены предложить вам работу.

– Спасибо, – сказал я растерянно, так как он сделал паузу в ожидании моей реакции, – но я... гм... очень уж кабинетный исследователь... Для любого бизнеса я камень на шее.

Он коротко улыбнулся и продолжил чуть-чуть снисходительно:

– Я просмотрел вашу последнюю работу. Весьма, весьма... Мне понравилось.

– Это о нерентабельности рабского труда в Римской империи?

Он снисходительно улыбнулся.

– О нерентабельности рабского труда вообще. Ту вашу работу я не читал, понятно, все не охватить, а вот о новейших методах экономического стимулирования я просмотрел внимательно.

Я сказал польщенно:

– Спасибо.

– Не за что, – ответил он великодушно. – Ваша работа того стоит. Написана простым и понятным языком, как могут излагать только умные люди, которые знают предмет. Вы довольно зло и круто разделались с теориями, что рабовладение пало под натиском бунтов, революций и освободительной борьбы. А также общей гуманизации общества и всяких там просветительных идей...

Я настороженно помалкивал, но он посмотрел на меня с ожиданием, и я тихонько вякнул:

– Насчет просветительных идей, это касается освобождения рабов в Северной Америке, уже девятнадцатый век.

– Но и тогда, как вы пишете, это была вовсе не гуманитарная, как сейчас бы сказали, акция?

Я осмелился тихонько пожать плечами.

– Нет, конечно. Никакие силы не освободили бы рабов, если это не было бы выгодно самим рабовладельцам. В историю, к сожалению, привносят слишком много поэзии.

Он кивнул, сказал с удовольствием:

– Вот-вот, поэзии. И некоторой, я бы сказал, идеализации. Как сверхгуманности идеалистов, настаивающих на освобождении рабов, так и мощи революционного движения самих рабов. Вы блестяще показали, что все делалось и делается всегда по желанию рабовладельцев, которые просто стали капитанами бизнеса, основанного на еще более жестокой эксплуатации «свободных людей». И сейчас эти рабовладельцы, будем говорить откровенно, продолжают придумывать новые экономические модели, чтобы заставить «свободных» работать еще и еще больше... Не так ли?

Я кивнул.

– Да, господин Кронберг, вы поняли совершенно верно. Сейчас придумываются новые и новые мотивации, чтобы принудить людей трудиться еще более каторжно. Как никогда не трудились рабы.

– И как заставить их трудиться невозможно, – добавил он.

– Вы абсолютно правы.

– И в то же время, – уточнил он, – чтобы люди чувствовали себя свободными делать, что сами хотят?

– Но делали нужное хозяину, – добавил я услужливо. – Вы абсолютно правы, хозяин сейчас всего лишь называется уже не рабовладельцем. Он сумел сложить заботу о рабах на самих рабов. Теперь раб не только сам заботится о пропитании, одежде и жилье, но и сам спешит на работу, старается ухватить ее побольше! Это и было всегда мечтой рабовладельца, но осуществить смогли ее только сейчас.

– Вот-вот, – сказал он понимающе, – это и привлекло наше внимание к вашим работам... Не только четкое и ясное объяснение, почему рабов отпускали на свободу даже в Древней Греции и Риме, почему дикая Европа, где рабства не было изначально, быстро догнала и обогнала, а затем и разгромила рабовладельческий Рим, но и все остальные случаи, когда рабы в южных штатах Америки работали гораздо хуже тех, кто получил свободу, и оказалось экономически выгоднее дать им свободу всем... А главное, что только вы сделали проекцию на наше время: чем выше степень свободы простого человека, тем больше сможет сделать, поработать, дать продукции...

Я слушал настороженно, мозг разогрелся от попыток понять, как все-таки можно мои отвлеченные академические занятия наукой приспособить к сегодняшней рыночной экономике.

Он тоже замолчал, словно ожидая моей реакции, а я замер в мучительном ожидании, все еще не веря в чудесный шанс, в избавление свыше, в этого *deus ex machina*. Все-таки моя дисциплина чуть ли не единственная на свете, что ну никак не прикладная. Сейчас все прикладное, даже ученые-пауковеды, что всю жизнь занимались исследованием задней лапы паука-охотника и писали на эту тему толстые диссертации, начинают в духе времени доказывать, что

их исследования применимы для развития бионики, для внедрения новых технологий, основанных на двигательных сокращениях лапы, потому что паук прыгает, оказывается, не силой мышц, а мгновенным повышением кровяного давления в лапах, что нашим машинам позволило бы перепрыгивать сорокаэтажные дома.

Но я не могу придумать даже такое, моя дисциплина абсолютно академична, я уж и не представляю, как эти толстосумы намереваются приспособить мои знания. Разве что дадут лопату и пошлют копать от забора и до обеда, но и для этого проще нанять мигрантов... Впрочем, как известно, интеллигентный человек даже канаву выкопает быстрее и лучше, чем стандартный работяга, которому надо успеть пару раз сбегать за водкой, двенадцать раз покурить и несколько раз сходить в бытовку полапать кладовщицу Маньку.

Так что да, могут дать и лопату...

Он рассматривал меня очень внимательно, я чувствовал себя, словно боярин под пронизательным взглядом Ивана Грозного.

– На вас получены самые хорошие характеристики, – заметил он, – но я предпочитаю старые испытанные методы. Бывает, посмотришь на человека и сразу видишь, кто он и что, а все бумаги, которые собрал и принес, – липа, хоть и настоящая. Да-да, бывает такое, дипломы и награды настоящие, а все равно липовые.

Он помолчал, ожидая моей реакции, я спросил настороженно:

– Хорошие? Характеристики?

– Представьте себе.

– Господи, откуда?

Он чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

– У нас свои каналы.

Я сказал скромненько:

– Да сейчас почти все лауреаты – липовые. А те, кто чего-то стоит, брезгливо сторонятся такой известности.

Он поинтересовался:

– Вы тоже сторонитесь?

Я ощутил ловушку, ответил осторожно:

– Нет, просто работаю. Мне моя работа нравится. А что меня не увенчивают дипломами... ну и ладно. Мне и без них хорошо. Работе это не помогает и не мешает.

Серые глаза всматривались в меня с интенсивностью даже не рентгеновского аппарата, а чего-то помощнее, вроде гамма-излучателя.

– Мы хотим вам предложить работу, – проговорил он наконец. – К стыду своему, должен сообщить, что вас заметили не здесь, под боком, а ребята из Гарвардского университета. Хотя они тоже наши... Сообщили, порекомендовали. Правда, мы тоже кое-что замечаем у них под носом, чего они не видят.

Глава 3

От его слов повеяло большими деньгами, сердце забилось чаще. Кончики пальцев возбужденно зачесались, словно уже пересчитывают крупные купюры.

– У вас, – сказал я остороженько, – большая фирма... наверное.

Он чуть раздвинул в улыбке губы.

– Давайте сперва о том, что мы можем вам предложить. Первое: зарплата у вас будет... сколько получаете сейчас?

– Триста долларов в месяц, – ответил я, умолчав, что уже не получаю.

Он кивнул, лицо не изменилось, когда проговорил:

– Ну, мы можем предложить вам в десять раз больше. Например, три тысячи устроит? Хотя что мелочиться?.. Пять тысяч долларов. Плюс – любая машина, квартира в престижном доме... сами подберете варианты, платиновая карточка, авиабилеты на все рейсы в любые точки мира... и прочая ерунда, отсутствие которой не должно беспокоить творческого человека. У него просто все должно быть, чтобы не обращал на быт внимание, а занимался делом. Не так ли?

Я, потрясенный, словно на полном ходу ударился на мотоцикле о стену, пробормотал:

– Это теория... На самом деле даже творческие люди, заполучив большие деньги, либо спиваются, либо бросают работу.

– Рад, что вы это учитываете, – сказал он.

– Да что учитывать... Насмотрелся.

– Понимаю вас, – сказал он сочувствующе. – Но ваш психологический портрет говорит, что вы весьма устойчивы к таким соблазнам.

Я осмелился чуть-чуть пожать плечами.

– Вряд ли это устойчивость. Я не такого высокого мнения о своей железной выдержке. Просто я люблю свою работу, а это перевешивает другие соблазны.

Он коротко взглянул на экран компьютера, снова кивнул.

– Да. Совпадает.

Он чуть улыбнулся, и я осмелился поинтересоваться:

– Неужели там моя медицинская карточка?

Он кивнул.

– Здесь больше, чем карточка. У вас прекрасный показатель искренности. Практически вы ни в одном слове не соврали, не преувеличили, не преуменьшили! А вы же знаете, что никогда человек не бывает так близок к идеалу, как при заполнении анкеты для приема на работу.

– И все равно, – сказал я, – что-то слишком высокая у вас зарплата для человека моего уровня. И все эти бонусы, словно я управляющий банком. Такое ощущение, что вы меня с кем-то спутали.

Он покачал головой.

– Нет-нет, с финансами все верно. Но я благоразумно не упомянул о том, с чем это связано. Сперва, так сказать, сладкую и очень крупную морковку, а потом – хомут на шею. Дело в том, что будете допущены к очень большим тайнам.

Я вздрогнул.

– Тайные службы? Нет-нет, никакого ФСБ, КГБ, ГРУ, ЦРУ или Штази!... Я всего этого боюсь и не хочу!

– Штази уже давно нет, – ответил он со вздохом. – Как и ГРУ фактически уже не разведка, а черт-те что. Правда, у нас с ними абсолютно ничего общего. Но вы знаете, что даже парфюмерные или автомобильные фирмы, неважно, охраняют свои коммерческие тайны с большим

тщаньем, чем государственные? Государственные – это государственные, их не жалко, а свои – это о-го-го! Если вовремя подсмотреть дизайн нового авто у конкурента, ему можно нанести ущерб в десятки миллиардов долларов!

Я перевел дыхание.

– Так, значит, вы...

Он вскинул руку.

– Не скажу ни слова, прежде чем вы не подпишете договор о неразглашении.

Меня внезапно обдало холодом.

– А жить где должен?

Он улыбнулся.

– Подумали про Лос-Аламос и прочие закрытые города? Успокойтесь, будете жить здесь, в Москве. А если хотите, в Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Мадриде... да в любой точке земного шара. Сейчас, как знаете, очень модно продавать однокомнатную в Бутове и покупать на вырученные деньги большой дом в Арабских Эмиратах. А вам и продавать не надо: мы подберем квартиру в любом месте, чтобы вам самому не возиться. Разумеется, все за счет фирмы.

Я пробормотал:

– Все страшнее и страшнее... Что я должен делать?

– В основном то же, чем и занимались. Ну разве что в срочном порядке проводить какие-то исследования по вашей же специальности. И, конечно, выдавать рекомендации.

Я прошептал:

– Боюсь и представить, что это за работа.

– Вы ею уже занимаетесь, – сказал он покровительственно. – Так что подумайте. И еще один момент, очень неприятный, если вы общечеловек или «зеленый». Ввиду риска потери важных данных вы будете постоянно... под наблюдением. Нет, за вами не будет ходить угрюмый тип в длинном пальто с поднятым воротником. Его прекрасно заменили высокие технологии. Я имею в виду, что в вашу одежду будут вмонтированы микрофоны и даже видеокамеры. Сейчас они достигли размеров макового зерна, так что заметить просто нереально.

Он молчал, всматривался в меня уже не так интенсивно, но изучающе, а я старался держать лицо неподвижным, чтобы он не понял, что думаю на самом деле.

– Согласен, – сказал я наконец.

Он помолчал, спросил с некоторым недоверием:

– Уверены? Вопросов больше нет?

– Пока нет, – ответил я честно. – Потом будут, это естественно.

– Естественно, – согласился он. – Что ж, наши аналитики не ошиблись в вашей реакции насчет прослушивания. Кого-то бы она удивила. Хотя вообще-то ваш ответ очень уж... нестандартен. Большинство начинают гневно говорить о неприкосновенности частной жизни...

Он замолчал, глядя вопросительно. Я ответил, не раздумывая:

– Я прекрасно понимаю, что подобная неприкосновенность – пережиток прошлого. Мы не в лесу живем! С каждым годом и даже месяцем будем жить все больше на виду. Уже сейчас из-за мобильных со связью третьего поколения муж может контролировать жену, а она в состоянии в любой момент проверить, на службе он или развлекается с девочками в сауне.

Он усмехнулся.

– Я рад, что вы это принимаете так спокойно.

– Да не спокойно, а просто нормально!

– Ну, мужчинам мобильники с видеосвязью потому и не нравятся, что скрываться труднее.

– Никаких претензий, – сказал я с жаром. – Завтра будут видеть не только меня в постели или в туалете, но и все мои анализы... Как и любого другого. Открытость неизбежна. Частной жизни в старом значении этого слова не будет, это точно.

– Очень хорошо сказано, – проговорил он в раздумье. – Вы вообще-то должны так сказать, если хотите получить у нас работу, но... вы говорите искренне, потому что именно так и думаете. Кстати, вот договор, просмотрите и подпишите. На каждой странице.

Страниц оказалось всего две, это приятно удивило, сейчас ларек по торговле зажигалками, заключая договор о сотрудничестве с другим ларьком, составляет его на двадцати страницах убористого текста с множеством статей, подстатей и всевозможных оговорок.

Ничего нового я не увидел в сравнении с тем, что сказал Кронберг, подписал в нужных местах. Он взял оба экземпляра, прочел, удовлетворенно кивнул, затем, к моему изумлению, сложил бумажные листы вчетверо и опустил в скромного вида большую пепельницу в виде золотой жабы. Я непонимающе смотрел, как он коснулся передней правой лапы. В пепельнице мгновенно взвился короткий дымок и сразу рассеялся.

Кронберг тщательно растолок пепел, нажал задние лапы, и пепел исчез, превратившись в легкое колечко дыма, какие любят пускать курильщики.

Я смотрел изумленно, он повернул в мою сторону голову, серые глаза внимательно осмотрели мое лицо.

– Изумлены, хорошо. Но вопросов не задаете. Почему?

– Секретность, – пробормотал я. – Могут выкрасть не только бумаги, но и компьютерный файл. Без чего можно обойтись, лучше обходиться.

Он кивнул, все еще не сводя с меня пристального взгляда.

– А как, по-вашему, мы добиваемся, чтобы договоры все же не нарушали?

Я осторожно развел руками.

– Во-первых, сверхвысокой зарплатой и разными бонусами. Во-вторых... если братки на рынке умеют добиться, чтобы соглашения с ними выполнялись, то фирма, у которой возможностей больше...

Я не договорил, все же прослушивается и записывается, он сам предупредил. Кронберг выслушал и снова кивнул.

– Вы правы. Мы возвращаемся к благородным временам, когда верили на слово. Договор, который вы подписали, – это так... простое напоминание, что обязывались хранить наши тайны. А заставлять соблюдать их через суд мы не будем.

– Это понятно.

Он поднялся, протянул руку.

– Рад приветствовать вас как нового сотрудника!.. Пройдите с Глебом Модестовичем, он вам покажет, как и что...

Я повернулся, следя за его взглядом. В дверях уже стоял невысокий худой человек с растрепанной неухоженной шевелюрой, как модно было в двадцатых годах прошлого века, в стеклах очков отражается свет люстр, и казалось, что в черепе полыхает пламя.

В коридоре Глеб Модестович остановился, худое нервное лицо застыло в некоторой нерешительности.

– Вам уже показали, где у нас буфет, где туалет?

– Нет, – ответил я с недоумением.

– Давайте покажу.

– Да это не к спеху...

– Да? Вот что значит молодость. А вот мы, старшее поколение, вынуждены посещать последнее заведение чаще. Все-таки сидячий образ жизни ведет к простатиту, учтите! А вы даже слова такого, как аденома, наверняка не знаете... На всякий случай, туалет во-о-он в конце коридора. А второй этажом выше. Тоже в таком же месте. А теперь пойдемте, покажу вам ваше место. Простите, я имею в виду, ваш кабинет, а место ваше вполне достойное.

Я спросил опасно:

– Кабинет?

Он оглянулся на ходу:

– А что?

– Да как-то, – пробормотал я, – даже в солидных фирмах сотрудники сидят по десять человек в комнате.

Неожиданная широкая улыбка преобразила его лицо, он стал похож на доброго рождественского дедушку с мешком подарков.

– Так уж получилось, – ответил он, но я не услышал в его голосе тревоги, что скоро все изменится и все будут сидеть друг у друга на головах, экономя дорогие метры и даже сантиметры. Хотя теперь все чаще начинают считать в дюймах. Понятно, с чего начали.

Он толкнул дверь без таблички и номера, комната оказалась небольшой, даже крохотной, то есть стол, рабочее кресло, при виде которого у меня перехватило дыхание. Я такие видел только в элитных магазинах, где продают офисную мебель для работников высших категорий банков, глав богатых фирм и генеральных директоров.

Я оглянулся на Глеба Модестовича.

– Дух захватывает...

Он кивнул, довольный.

– Осваивайтесь. Я пойду, у меня дел уйма. Если что, спрашивайте без стеснения. Мы все в локальной сети, мое имя уже знаете.

Он дружески хлопнул меня по плечу, дверь за ним мягко захлопнулась. Я обошел стол и осторожно опустился в кресло. Да, именно таким должно быть кресло для человека, который проводит за столом весь рабочий день. В меру мягкое, в меру жесткое, с удобным валиком, что упирается в поясницу, его можно регулировать, вот механизм запуска массажа спины, вот множество кнопок в обоих подлокотниках, надо поискать мануал...

Экран монитора огромен, я такие видел на последней выставке, где разработчики бахвалились не только диагональю, на что в первую очередь обращают внимание непрофессионалы, но временем отклика, углом обзора и прочими важными вещами, а вот сам комп... Я заглянул под стол, ожидая увидеть привычную коробку, но там пусто, только толстый кабель от монитора опускается и ныряет в стену.

Впрочем, понятно, эти ребята раскошелились на сервер, а у нас только мониторы да клавиша с мышкой. В игры не поиграешь в рабочее время, порносайты тоже подождут до возвращения домой. Впрочем, какие игры, для меня моя работа – лучшая из игр. К тому же за такую зарплату я вообще готов отказаться на всю жизнь от любых игр и любых порносайтов, хотя это, конечно, совсем не по-мужски.

Я посидел за столом, привыкая к роскошному креслу, опустил руки на столешницу. По экрану плавают рыбки очередного навороченного скринсейвера, графика обалденная, что говорит и о разрешающих возможностях дисплея, и о мощности проца.

Внезапно всплыли слова Кронберга о размере моего жалованья, голова тут же закружилась. Везде ходят слухи о фирмах, что принимают на работу, обещая золотые горы, но первую и вторую зарплату задерживают, с третьей просят подождать, чтобы с четвертой выдать сразу все... а потом эти фирмы исчезают или же просто увольняют работника без выплат ему задолженности.

А вдруг здесь что-то подобное? Уж слишком невероятная зарплата... Пять тысяч долларов – с ума сойти. Мне по фигуре, что олигархи в час получают больше, даже в минуту, но для человека, сидевшего на двухстах долларах в месяц, потом переползшего на двести пятьдесят, уже моя последняя зарплата в триста долларов казалась огромной, и лишиться ее было трагедией.

И вот теперь так сразу... Еще Кронберг сказал, что мне прямо сегодня же выделяют машину. Не подозревают, что я за рулем не ахти, последний раз сидел за ним, когда в школе девочек учили кулинарии, а мальчики обучались автовождению.

Страшно подумать, что за машину мне выделяют?! Если фирма солидная, то работников пересаживает на добротные, чтобы «видом своим не позорили», а здесь, судя по всему, очень крутые дяди, очень...

Но еще страшнее представить, что именно от меня потребуют за такие деньги. Я зябко передернул плечами: от таких денег всегда пахнет криминалом. И хотя я в деньгах нуждаюсь просто отчаянно, но за решетку тоже не жаждется. Может быть, лучше получить раз-другой зарплату и по-быстрому уволиться? Кстати, что-то я, ошалев от счастья, не выяснил у них этот щекотливый вопрос: можно ли уволиться? Или из этой фирмы выносят только ногами вперед?

Постепенно осваивая интерфейс, я кликнул на иконку с портретом Глеба Модестовича. Тут же появилось окошко на четверть экрана, четкость изумительная, как и цветопередача.

Он произнес вопросительно:

– Да? Проблемы?

– Нет-нет, – ответил я поспешно. – Я хотел спросить, когда приступить? И в чем будут мои обязанности?

– Вы уже, – проговорил он медленно, – можно сказать, приступили... Результатами ваших последних исследований мы воспользовались достаточно успешно. Это я к тому, что вы уже заработали некоторый аванс. Так что не стесняйтесь сегодня же выбрать себе машину по вкусу. И начинайте подбирать квартиру. Наши ребята предложат вам пару десятков на выбор. Но теперь работать будете, естественно, уже над выполнением некоторых наших заказов.

– Хорошо, – ответил я послушно, – как скажете.

Он внимательно всмотрелся в мое лицо.

– Впрочем, – сказал он, – это не запрещает вам заниматься и дальше своей научной деятельностью. Более того, это и в наших интересах.

– В каких?

Его губы раздвинулись в усмешке.

– Просто приятно, – ответил он неожиданно. – Просто так. Приятно, когда сотрудники сыты, обуты, одеты и растут, растут, не обращая внимания, что ценники на продукты изменились, что квартплата повысилась и что бензин подорожал.

Я пробормотал:

– Да меня цены на бензин как-то не волновали.

– И не будут волновать, – согласился Глеб Модестович. – Несмотря на мощный мотор вашей машины.

– Мощный?

Он пожал плечами.

– Не на малолитражке же будете ездить?

– Ну, я как-то не думал об этом.

Он кивнул.

– Подумайте. Или давайте я распоряжусь, чтобы вам помогли подобрать? Да, это будет проще. Так что сегодня просто осваивайтесь. Работать начнете завтра. Я имею в виду, над определенными заказами. А так, я же понимаю, вы работаете всегда и везде, чем бы ни занимались...

– Ну вообще-то... – пробормотал я.

Он перебил:

– Не оправдывайтесь, мы все здесь такие. Никакие развлечения не бывают такими интересными, как любимая работа! Ждите, сейчас я к вам пришлю...

Окошко исчезло, он отключился без предупреждения. Я встал, стараясь не смотреть на стены в тех местах, где могут быть вмонтированы телекамеры. И хотя я мелкая сошка, однако средства наблюдения настолько подешевели и настолько автоматизированы, что дороже пачку жвачки купить, чем пару микроскопических телекамер с великолепным разрешением. Так что вполне все может писаться и затем проверяться с помощью простейших компьютерных программ.

В дверь постучали, я сказал громко:

– Войдите!

Глава 4

Через порог, к моему изумлению, переступила та дюймовочка с высокой копной волос, на которую я засмотрелся на втором этаже. Улыбнувшись, сказала важно:

– Меня зовут Эммануэлла.

– Очень приятно, – сказал я. – Да что там приятно! Я просто счастлив...

Она наморщила носик.

– Правда, никто меня так не зовет.

– Почему?

Она сказала уже грустно:

– Если бы я была такого же роста, как Тина! И с такой же фигурой... А так все зовут Эммой, а то и вовсе Эмкой.

– А Эммочкой?

Она кивнула:

– Тоже бывает, но это тоже... не Эммануэлла.

– «Эммочка» звучит прекрасно, – не согласился я. – Как «Дюймовочка». По-моему, это намного лучше, чем «Дюмовина»!

Она хихикнула:

– Здорово, никогда такое не думала. Наш шеф прав, в нашу фирму пришел головастый сотрудник!

– Спасибо.

– Нет, правда. Головастость проявляется во всем, правда?

– Не думаю, – ответил я осторожно. – Я вот никогда не пробовал разбивать лбом кирпичи и пробивать доски. Пожалуй, и пробовать не буду.

– Пойдемте, – велела она. – И вообще, Евгений Валентинович, сходите в туалет, я подожду.

Я сконфузился:

– Да что вы о таком...

– Я обслуживающий персонал, – объяснила она важно, – и должна о вас заботиться.

– Ох, ну ладно. Я быстро!

Когда я вышел, она посмотрела на мои ладони с сомнением, но промолчала, что не слышала плеска воды из-под крана. Я потащился за нею, стараясь рассматривать ее ладную фигуру понезаметнее. Дело не в подсматривающих телекамерах, просто, если вдруг оглянется, самому будет не по себе, хотя мой взгляд вообще-то можно рассматривать как комплимент. Очень откровенный комплимент, а живем мы во все более открытом мире.

– Эмма, – сказал я неуклюже, – если можно, то Евгений Валентинович – это как-то парадно слишком. Вы же не моя студентка.

Она оглянулась через плечо, глаза широко распахнуты в удивлении:

– А как?

– Ну... можно Евгений.

Она ахнула:

– Как можно! Вы ж профессор!

– Я доктор наук, – ответил я, защищаясь, – но не профессор! Первое – это звание, а второе – должность. Ее получить куда труднее, так как докторство – это звук, а профессура – высокий оклад, власть, влияние, рычаги... Так что я никогда не был профессором. И вряд ли меня бы туда пустили.

Похоже, она чувствует, что мой взгляд устремлен на ее ноги: идет, как манекенщица по подиуму, спина ровная и даже чуть откинута назад, это чтоб те, кто впереди, хорошо рассмот-

рели ее красиво очерченную грудь. А я, топя сзади, все не отрывал взгляда от невероятно длинных для ее роста ног, вот всегда засматриваемся на подобные, наш мужской пунктик, тяга к таким ногам чисто инстинктивная, сами не понимаем, почему длинные так ценятся, вот сколько анекдотов про них, однако я привык до всего докапываться, а здесь решение на виду: при длинных ногах женская задница сама поднимается к нашим ладоням, а пальцы начинают дергаться от жажды ухватить эти ягодицы, что прямо просятся в руки. А короткие ноги, опуская женский зад всего на три-пять сантиметров, ухитряются почти начисто загасить инстинкт хватания и совокупления! Этот рефлекс образовался, видимо, еще в лемурие-обезьяньем прошлом, когда наши четвероногие предки еще не понимали, что самочку вообще-то можно приподнять...

Я догнал, пошли рядом, я косился на ее высокую грудь, разрез блузки как раз позволяет увидеть верхние края розовых кружочков, а когда ткань оттопыривается при движении, то даже сами кончики, как будто твердеющие под моим взглядом.

На повороте я едва не ударился об угол, засмотревшись. Эмма сделала вид, что не заметила, хотя губы дрогнули в очень даже довольной усмешке. Охранник скользнул по нас равнодушным взглядом и снова повернулся к экрану. Что там, я не видел, но, судя по едва слышным звукам, идет в слэшере.

Чистый влажный воздух ударил в лицо, мокрый тротуар блестит, в лужах отражается умытое солнце. Автомобили просто сияют, как молодые жуки-бронзовки, что только что выбрались из коконов. Обходя лужи, Эмма подвела меня к элегантному «Форду». Я ухитрился забежать вперед и открыть перед нею дверь. Выглядело несколько комично, так как открывать пришлось левую. Эмма села за руль, я поскорее обогнул машину и торопливо залез в кресло справа.

Она сказала строго:

– Пристегнитесь. Правила ужесточили.

– Да, мы уже почти Европа, – согласился я и защелкнул ремень безопасности, что среди настоящих мужчин – а кто из нас ненастоящий? – считалось малодушием и даже трусостью.

– Мы и есть Европа, – уточнила она. – А всякие там парижи и лондоны – как хотят.

Машину она повела умело, быстро, профессионально точно, сразу подстроилась под «зеленую волну». Я невольно засмотрелся на ее длинные ноги, что провоцирующе приподнялись на педалях, коротенькая юбочка тут же начала сползать к поясу, попытался строго напомнить себе, что длинные ноги – не роскошь, а средство передвижения, но внутренний голос возразил, что чем длиннее ноги – тем короче ночи, и хотя в ногах правды нет, но если они вот такие красивые и длинные, то это обстоятельство даже для правозащитника воспринимается не так болезненно.

Она иногда перехватывала в зеркале мой блудливый взгляд, на ее губах проступала понимающая улыбка. Чтобы скрыть неловкость, я поинтересовался нейтральным тоном:

– А как вы попали в эту фирму?

– Лучше на «ты», – сказала она.

– Спасибо, Эмма. Как ты попала в такую богатую фирму?

Она ответила очень серьезно:

– Просто опубликовала в газете объявление.

– Какое?

– «Стройная, привлекательная брюнетка с пышной грудью и длинными ногами ищет высокооплачиваемую работу в ночное время. Интим не предлагать».

– А почему в ночное?

– Я учусь в МГУ на дневном.

– Понятно... И как по объявлению?

– Как видите, работаю, – ответила она еще серьезнее. – Правда, все чаще работа находится и днем, стараюсь разгрузить Тину. Это та платиновая блондинка, что на первом этаже. Задерживаться приходится до поздней ночи. Но не жалею, зарплата высокая. У вас... про-сти, у тебя, думаю, еще выше, не так ли? Работать нетрудно, люди интеллигентные и очень воспитанные. Я из старой семьи потомственных гуманитариев, мои родители тяжело приняли коммерциализацию жизни, так что здесь мне очень-очень нравится. И родители довольны, фирма приличная.

Он круто свернула и вкатила на просторную стоянку перед огромным зданием с яркой светящейся надписью «Автосалон». Пока она надевала туфли на высоком каблуке, я снова ухитрился выскочить и открыл ей дверцу. Выглядело, как если бы богатая бизнес-леди сама водит машину, а я ну вроде телохранителя.

Входя за нею в салон, я сделал вид, что всех просматриваю подозрительно, мол, на службе, а если кто подойдет к охраняемой мной особе чуть ближе, чем можно, – раздеру в ключья. А что не голиаф, так это для маскировки. Голиафов сразу вычисляют, а я зато из давидов, побивающих голиафов.

Машины меня потрясли, никогда не видел столько сверкающих, блистающих и ослепляющих одним своим видом. Эмма повела меня вдоль ряда. Перед нами петушком то справа, то слева забегал менеджер, весь из себя почтительность и услужливость, что и понятно: не пирожками поштучно торгуют. Тут каждый проданный пирожок такие деньги приносит...

– Как вам это? – спросила Эмма.

Я тупо уставился на могучий внедорожник.

– А на фига он мне? У меня нет дачи.

– По городу будете гонять, – пояснила она. – Все мужчины любят сильные машины.

Из деликатности не добавила, что мелкие мужчины всегда почему-то выбирают еще и огромные машины. Потому если видишь на дороге большой «Форд»-внедорожник, который вдвое выше твоего «жигуля», то за рулем обычно гигант ростом в метр с кепкой.

– Нет, – ответил я.

– Тогда этот?

Мы проходили мимо красавца лимузина с открытым верхом.

– Шугишь? – удивился я.

– Почему?

– Чтoб огрызки яблoк бросали? И бумажки от мороженого?

Она посмотрела поражено.

– Чтo за дикая мысль?

– Думаешь? – спросил я. – У нас ректор такой купил... На десять минут вышел на Тверской в какой-то бутик, а когда вернулся, в лимузине мусора было больше, чем на свалке в Новогирееве!

Она поморщилась.

– Дикари какие-то. Конечно, когда ездешь по трущобам, чего ожидать от их жителей?

– Да, – согласился я, – Тверская... гм... это еще та улица. Всем трущобам трущоба!

– Так во всех городах и странах, – сказала она рассудительно, – в центре всех крупных городов живут негры и прочие безлошадные люмпены. А приличные люди покупают особняки в Южном Бутове. Или там же – приличные квартиры. Центр города нужен тем, у кого нет машины... Понятно?

– Не совсем, – ответил я.

– Со временем и особняк купите, – сказала она убежденно. – Вы ведь из элиты?

– Я?

– Не делайте большие глазки, – уличила она. – Сами так наверняка думаете, просто помалкиваете. Не из скромности, а чтобы не выхихикивали!

Я пробормотал:

– Но все же машину давай подберем поскромнее.

Она неожиданно согласилась:

– Вы правы, Евгений Вален... Евгений! Настоящие солидные люди не нуждаются в выпячивании своего достатка. Как насчет вот этого «мерса»?

– На них бандиты ездят, – возразил я. – И депутаты, что тоже... гм...

– Тогда «бээмвэ»?

– И на них бандиты...

– Да сейчас бандиты на всем ездят, – ответила она. – Да и вообще, кто сейчас не бандит? Давайте вот эту возьмем? Смотрите, последняя модель, все навороты вошли, мотор мощный, но цвет скромный. Вообще, только знатоки заметят, что машина из высшего класса...

Я колебался, но Эмма умело нажала, оказывается, у нее не только ноги могут свести с ума, мозги тоже работают блестяще, владеет и логикой и напором. Я сдался, через полчаса мы вышли из автосалона с документами, страховкой и всем необходимым на «Опель Антару». Эмма заикнулась, чтобы я сразу за руль, я было дернулся к машине, но с усилием взял себя в руки, чувствуя некоторое отвращение брать в руки такое интеллигентное, ответил с еще большим усилием:

– Эмма, конечно, выгляжу трусом... Но скоро час пик, а я за рулем пока еще не орел, не орел... Скорее вроде пингвина в полете. Автосалон работает круглосуточно, лучше подъеду ночью, когда улицы более пустые, и... Мне вообще вспомнить надо, как крутить баранку!

Она так же внимательно смотрела в мои глаза.

– Да, – ответила она тихо, – именно так вы и должны были ответить. Как странно...

– Что, – переспросил я, задетый, – тебе предложили, чтобы ты предложила... тьфу, и даже сказали, что я отвечу?

– И даже в каких выражениях, – ответила она, в ее прекрасных глазах промелькнула грусть. – Это очень уютный мир, в котором все заранее известно, не так ли?

– Так, – ответил я, но ощутил, что голос мой не совсем тверд. – Конечно же, мир должен быть предсказуемым.

– И стабильным, – произнесла она.

– И стабильным, – согласился я чуть громче, чем следовало. – Только стабильность гарантирует прогресс и нарастающее процветание.

– Да, – подтвердила она, – именно так и говорит шеф. Вы удивительно подходите друг другу. И вообще...

– Что?

– Многие говорят именно так. И в этих выражениях. Я имею в виду нашу компанию. Пойдемте, тут рядом охраняемая стоянка, я перегоню туда вашу машину. А то магазин за нее больше не отвечает.

Она и в самом деле перегнала на стоянку, уплатила, после чего я снова забежал вперед к ее машине и распахнул перед нею дверцу. Мужчина должен оставаться им, даже если женщина – простая секретарша. Эмма села за руль, а пока снимала туфли, я обошел машину и сел рядом. На девушку приятно смотреть даже сейчас, когда она, сдвинув бровки и чуть закусив губу, умело выбиралась из затора на стоянке, где машины стоят впритык, загораживая дорогу, а возможность проехать чисто теоретическая.

Я бы не смог выбраться и после месяца тренировок, но Эмма умело маневрировала, подавала машину назад, выкручивая руль, наконец мы выбрались на простор и понеслись по автомагистрали.

Я поинтересовался:

– А ваше руководство не опасается, что, получая такую зарплату... скажу честно, дикую в сравнении с той, на которой сидел, ударюсь в загулы? Да еще и роскошная машина... Только красивых женщин возить! Даже роскошных. Под стать машине.

Она улыбнулась, но глаза оставались серьезными.

– Нет, не опасаются.

– Почему? Это было бы нормально.

– Но вы ненормальный, – ответила она. Мне показалось, что она добавит словами Кронберга, что мы все в этой фирме ненормальные, но она лишь обронила: – Нас всех видят как облупленных. И заранее, как вы уже убедились, просчитывают наши поступки и даже слова.

Мне почудилась в ее словах грусть, я поспешил утешить:

– Поступки просчитать нельзя. Просто у всех у нас есть приоритеты, которые легко заметить. Меня, к примеру, в казино на цепи не затащить, но легко западаю на виртуальные игры. А если мир попадается красочный, то могу сидеть там сутками.

Она лукаво улыбнулась:

– А как же ваша наука?

Я вздохнул:

– Только наука оттуда и выдергивает. Стоит вспомнить, что геройствую в виртуальных мирах за счет реальной науки, так и начинаю выкарабкиваться. Так что работа – мой приоритетный наркотик. Она перебивает все остальные!

– Вот это и заметили, – сказала она тихо. – И женщины вас не окрутят. Как казино, алкоголь, наркотики или даже баймы четвертого поколения.

– Уже есть пятого!

– Еще нет, – уличила она. – Только анонсировали первую! «Территория» делает «Троцарствие-2».

– Все ты знаешь, – сказал я восхищенно. – Я именно это и хотел сказать!

Она хитро заулыбалась:

– Что я все знаю?

– И это тоже.

В ее голосе, когда сказала о неокручиваемости работников нашей фирмы, словно бы прозвучало некоторое осуждение. Все-таки в мужчинах как бы ценится, как мы сами считаем, лихость, что вообще-то от слова «лихо», а лихо – это беда, несчастье, безрассудная дурость. Мы гордимся своим умением наступать на грабли, даже на грабельки, неумением обходить стены и вообще препятствия, хвастаемся расшибленными головами и тем, что вчера перепили, а сегодня с утра блюем.

– Но я уже окручен, – возразил я, защищаясь. – Еще как окручен!

Она тихо и загадочно улыбнулась.

– Вон мой дом, – сказал я. – Тот, что с игровым клубом в торце.

Она посмотрела внимательно, скорость не сбавляет, я выждал, когда почти поравнялись с домом, сказал:

– Спасибо, что подвезла!

– Какой подъезд? – спросила она.

– Да я тут выйду, – запротестовал я. – Чего тебе сворачивать и пробираться, там плохой проезд...

– Какой подъезд?

– Четвертый...

Она остановила машину, выждала, пока на противоположной стороне прошел поток, и свернула, лишь тогда пояснив:

– Не могу я вас оставить переходить улицу!.. Тут такое движение. И вообще, Евгений, привыкайте, что вас должны подвозить именно к подъезду. И дверь раскрывать перед вами.

– Ого!

– Вот-вот, – сказала она строго и тут же мило улыбнулась. – Сами можете открывать двери только перед такими милыми куколками, как я.

Машина остановилась у моего подъезда, я проговорил неуклюже:

– Может быть, зайдём ко мне? Чашечку кофе...

Она улыбнулась:

– В другой раз. Но спасибо за приглашение!

Я остался на асфальте смотреть, как она довольно уверенно лавирует в узком проходе между припаркованными где попало автомобилями, затем выехала на шоссе и понеслась, набирая скорость.

В душе осталось ощущение праздника. Я даже понюхал рукав, чуть-чуть пахнет ее духами.

Глава 5

В старину самые знаменитые разбойники, чувствуя старость и приближение смерти, завещали награбленное монастырям и просили монахов молиться за их грешные души. Да и не только знаменитые, просто мы не знаем, когда родились те или иные великие злодеи, но в истории остались даты их смерти, а также баснословные суммы, пожертвованные монастырям, занимающимся благотворительностью. Великие преступники как бы возвращали людям то, что у них когда-то отняли.

Современные миллиардеры, устав от бизнеса, учреждают свои благотворительные фонды, куда сбрасывают десятки, а то и сотни миллионов долларов в целях оказания помощи бедным, бродячим собакам, спасения пингвинов, борьбы со СПИДом и наркоманией. Тоже как бы замаливая грехи, что когда-то топтали всех на пути к успеху, калечили и вообще не церемонились.

Так что мое удивление насчет огромного жалованья хоть и понятно, но беспочвенно. Все-таки мы занимаемся хоть и благородным делом, но малоэффективным. Правда, в моем случае лечим не сами симптомы, а именно болезнь, так что лично мне такой высокий оклад назначили как бы не совсем зря.

Вся эта психотерапия прокручивалась у меня в мозгу, когда утром брился, чистил зубы, наспех завтракал и перед зеркалом повязывал галстук.

Машина пока на стоянке, у меня нет пары лишних дней на регистрацию, получение номеров, техосмотр и прочие заморочки. Так что на автобусе и метро с пересадками я добрался за четверть часа до начала работы.

Охранник кивнул, Валькирия из «Нибелунгов» по имени Тина уже за своим столом подправляет макияж, мне кивнула, как старому знакомому. Эммы еще нет, я чуть ли не на цыпочках прошел к своему кабинету, робко открыл дверь, будто опасаясь, что там кто-то уже сидит.

Экран засветился от прикосновения к сенсорной пластинке, никто, кроме меня, его не запустит, класс. Та-а-ак, скорость скачивания... ни фига себе, что у них тут за мощности?

Через четверть часа, окончательно ошалев, я кликнул на иконку с лицом Глеба Модестовича. Она расширилась на экран, Глеб Модестович пересматривал бумаги, на вызов вскинул голову.

– А, Евгений Валентинович... Вопросы?

– Вопросы, – подтвердил я виновато.

– Не стесняйтесь, – ответил он. – У всех много вопросов. А у нас есть ответы!

– Но у меня дурацкие, – предупредил я.

– У всех поначалу дурацкие, – успокоил он. – Слушайте, мой кабинет в конце коридора.

Вы его увидите сразу.

– Удобно ли? – усомнился я.

– Удобно, удобно, – заверил он.

– Тогда приду прямо сейчас? – спросил я. – Или когда вам лучше?

Он вздохнул.

– Лучше сейчас. Быстрее войдете в курс дела. Давайте, топайте.

Я заискивающе улыбнулся, все-таки у него своих дел полно, с другой стороны – каждый за себя, один бог за всех, так что я должен в первую очередь лоббировать интересы самого ценного человека на свете. Понятно, кто этот человек.

Глеб Модестович поднял голову от бумаг, суетливо указал мне на кресло по эту сторону стола. Дисплей, судя по всему, включен, потому что он отвел от него взгляд с явной неохотой, словно в Red Light Center кого-то подтащил к постели.

– Садитесь, садитесь... Кофе хотите? Или чаю?

– Не отказался бы, – промямлил я осторожно.

– Да не волнуйтесь, – заверил он, – я не сам делаю. Хотя скажу не без хвастовства, уж что-что, а кофе делать я умею. Но, увы, самому не положено. По рангу.

– Да я ничего...

Он тронул клавишу и сказал негромко:

– Люся, две чашки кофе... Евгений Валентинович, предпочитаете слабый или крепкий?

– Лучше крепкий, если можно.

– У нас все можно, – ответил он и, улыбнувшись, добавил: – Кроме того, что нельзя...

Люся, две крепкого.

Я сразу за ухватился за последние слова:

– А многое нельзя?

– Многое, – ответил он. – Но если человек нормален, он ограничений почти не заметит.

Все-таки мы многое не делаем вовсе не потому, что кого-то страшимся?

– Резонно, – согласился я.

Открылась дверь, вошла с подносом в руках незнакомая девушка, такая же хорошенькая, как и Эмма, только полнее. Мягко улыбнувшись, переставила на стол чашки с дымящимся кофе, вазочку с печеньем и кусочками сахара, оставила ложечки и молочник, так же молча ушла, провоцирующе двигая ягодицами.

Глеб Модестович проследил за моим взглядом.

– Из отдела снабжения, – сказал он. – Не дело, если высоколобые занимаются, скажем, чистой обувью. Так какие проблемы?

Я опустил в темную жидкость два кусочка сахара, в голове сотни вопросов, медленно размешивал серебряной ложечкой. Кабинет постепенно заполнялся густым ароматным запахом.

– Глеб Модестович... если честно, то когда мне сказали, какую зарплату буду получать, я согласился так поспешно, что едва из штанов не выпрыгнул. Сейчас же хочу понять... в пределах допустимого, конечно, чем занимается фирма, чтобы быть максимально полезным. У меня никогда не было идеалом «получаю столько-то рэ и ничего не делаю». Я люблю работать, хотя с таким заявлением даже в рыночное время выгляжу полным идиотом.

Он смотрел на меня без насмешки, лицо оставалось серьезным. Сахар размешивал так же машинально, как и я.

– Не вы один, – заметил он устало. – Не вы один. Могу сказать, что здесь вы среди... подобных экземпляров. Я, кстати, тоже больше люблю работать, чем развлекаться.

Я подумал невольно, что в его возрасте уже ничего больше и не остается, как работать, а он, словно прочитав мои мысли, добавил:

– И всегда любил. Даже во времена, когда был моложе вас, Евгений Валентинович.

– Да я ничего такого...

Он прервал:

– Насчет нашей работы, Евгений Валентинович. Наша цель, вы будете смеяться – сейчас принято смеяться над всем, особенно над святыми целями, – наша цель – самая благая на свете. Выше ее, как говорится, нет вообще. Итак, чем занимается фирма? Скажу честно: работаем на благо всех людей. Не какой-то группы, нации или религии, а именно всего человечества.

Я спросил осторожно:

– Благотворительная организация?

Он кивнул:

– Именно!

– То есть, – уточнил я, – принимаете пожертвования, покупаете на них зерно и отправляете в Африку?

– И это тоже.

Он наконец положил ложечку на блюдце и осторожно прихлебывал кофе, удерживая чашку двумя руками. Я тоже так люблю смаковать, но, чтобы он не подумал, что передразниваю, взял одной рукой, продев палец в ушко ручки.

Мне показалось, что он заметил искусственность моего движения, по губам скользнула легкая улыбка.

Я пробормотал ошарашенно:

– Простите... Вот уж не ожидал увидеть под такой солидной крышей таких... таких идеалистов!

Он ответил мягко:

– Евгений Валентинович, разве вы забыли свои работы? Такой идеализм экономически выгоден. Общество без войн быстрее развивается, богатеет, люди начинают заботиться о своем здоровье, а не только о том, как бы уцелеть, выжить... Общество без конфликтов охотнее развивает науку, культуру, искусство. Общество с высоким уровнем образованности скорее создает научно-технические ценности.

Я пробормотал снова:

– Да, но... все, когда произносят слово «общество», подразумевают общество своей страны!

– Согласен, – ответил он мягко. – Что ж, мы – первые, кто заботится обо всем человечестве. Для нас нет разницы не только между населением европейских стран, но даже мусульмане, которые сейчас с Западом в жесткой конфронтации, а кое-где даже идут бои, – для нас такие же люди, как и жители Берлина, Парижа, Москвы или Лондона. И мы помогаем им в меру своих сил поддерживать мир, гасим конфликты...

– И что, – спросил я почти шепотом, – удастся?

– Гасить конфликты?

– Да.

Он грустно улыбнулся:

– Иногда удастся.

Я молча допивал кофе, совершенно ошеломленный и раздавленный. За спиной Кронберга маячат миллиарды долларов, но все они вкладываются в операции не для разжигания по планете войн, а для их удушения?

Глеб Модестович наблюдал за мной с мягкой отеческой улыбкой, как смотрит умудренный опытом родитель на дитя, что изрекает непререкаемые детские глупости, вроде того, что никогда не женится, будет моряком или дворником, чтобы первым собирать на тротуаре красивые пуговицы.

– Евгений Валентинович, – заговорил он снова, с сожалением отставляя чашку, – мы не прекраснотушные глупцы, как вы могли подумать... сперва. Напротив, мы видим дальше правителей государств, которые озабочены сиюминутными проблемами. Спокойствие в Кении необходимо Штатам и Европе, куда идет кенийская нефть, Индии и Китаю, куда Кения поставляет алмазы для технических нужд, Аргентине, Венесуэле, России, Перу... да вы сами знаете, насколько мир сейчас тесно связан! Очередной взрыв на нефтепроводе в Турции – и вот уже падают акции нефтяных бирж по всей планете. Взлетают цены на нефть и любое топливо, а следовательно – на любую продукцию, – замедляются темпы роста всех индустриально развитых стран... Рухнула ипотека в США – сразу прокатилась цепочка кризисов по всему миру... Я уж не говорю, что немедленно начинаются споры в обществе: принимать или не принимать в ЕС Турцию и прочие исламские страны, это оставим за кадром. Наша цель проще: обеспечить научно-техническое производство во всех странах. Для этого, как понимаете, нужен мир и... процветание!

Я сказал осторожно:

– Да, но...

– Договаривайте, – посоветовал он. – Здесь вы среди своих.

– Одного мира маловато, – закончил я.

– Точно, – сказал он удовлетворенно. – В Советском Союзе был мир, никаких конфликтов, но то была тишина могилы. И наука постепенно хирела... А чтобы из человека выжать все соки, нужна именно демократия!

Он засмеялся, показывая ровные красивые зубы. Слишком ровные и слишком красивые, чтобы быть естественными.

– И свобода, – поддакнул я.

– Демократия и свобода, – согласился он. – Только они позволяют человеку раскрыть все свои возможности... иначе конкуренты затопчут. И то общество, где свобода и демократия реализованы наиболее полно, опережает по темпам развития те, где свобод недостаточно, где власть правительства слишком сильна, где ограничений многовато... Люся, принеси еще кофе! Я по глазам вижу, что Евгений Валентинович тоже не против.

Через полминуты вошла Люся, в руках поднос с дымящимися чашками и горкой печенья, но брови сурово сдвинуты, спросила строго:

– А не много на сегодня?

– Всего вторую чашку! – возмутился Глеб Модестович.

– День только начался, – напомнила она неумолимо. – Ладно, если попросите еще, то я сначала измерю вам кровяное давление. А то и анализы некоторые возьму!

Последние слова она произнесла таким угрожающим тоном, что Глеб Модестович только жалобно вздохнул, а она, поглядев на него строго, удалилась.

Я взял чашку, что поближе ко мне, и сдобное печенье. Глеб Модестович в неудовольствии посмотрел на закрывшуюся дверь.

Я сказал осторожно:

– Значит, посылаете не только зерно и медикаменты?

Он криво усмехнулся, покачал головой.

– Вы сами понимаете, что так почти никто не делает. Уже не делает. Ну, если где-то землетрясение, то да, направляем зерно, медикаменты и палатки. Однако если где-то просто ужасающая бедность длится и длится, то мы таким людям даем не рыбу, а удочки.

– А, это понятнее...

Он кивнул:

– Вот-вот. А из этого вытекает и следующее допущение. Чтобы удочки у них не отобрали, мы помогаем в тех местах – заметьте, я не говорю «странах», я говорю «местах», это не случайно! – помогаем установить более справедливый режим управления. Это можно называть хоть оранжевыми революциями, хоть военными переворотами – неважно. Главное, чтобы там установился мир и чтобы люди жили богато и счастливо. Словом, мы стараемся предусмотреть все возможные конфликты и заранее предложить способы их решения.

Я пробормотал:

– Но, простите, я все еще не уяснил свою роль. Что я должен делать?

Он сказал терпеливо:

– Сейчас поясню. Простите, что зашел издалека, но так понятнее. Все понимают, что глобализация уже не в младенчестве, но мало кто понимает, на какой она стадии. И какой уровень сотрудничества между... между умными людьми разных стран, рас и религий. Словом, мы уже сейчас заботимся о предотвращении войн всюду, даже в странах, которые по старинке считаются нашими противниками.

Я кивнул, на душе потеплело, хотя некоторая настороженность ворочается в груди, царапая костяным панцирем. Похрустывая печеньем, я сказал торопливо:

– Да-да, когда-то станем одним человечеством.

Он произнес со вздохом и очень терпеливо:

– Мы как раз и работаем над тем, чтобы стали. Нет, это я неверно выразился. Мы как раз не стараемся слить все страны и нации воедино. Для нас это не важно. Точнее, мы не глобалисты. Как и не антиглобалисты. Для нас важно, чтобы люди не голодали, не воевали, не спорили из-за цвета кожи и вероисповедания! Чтобы не устраивали терактов и всего того, что портит качество жизни и тормозит прогресс.

Я произнес медленно:

– Святость человеческой жизни?

Он улыбнулся горделиво, словно это именно в нашей фирме и как раз в его отделе возникло это понятие, но я встречал его еще в Библии, так что не надо, хотя, если честно, об этой святости вспомнили и заговорили совсем недавно.

– Святость человеческой жизни, – повторил он торжественно. – Вы правы, это у нас во главе угла. Никто не смеет на нее посягать! Потому не должно быть войн, терроризма и даже преступлений...

Я невольно переспросил:

– И преступлений?

Он кивнул:

– Вы быстро хватаете. Насчет преступлений, вы правы, вопрос сложный и очень спорный. Потому с большинством так называемых преступлений мы даже не боремся. В человеке заложено бунтарство, что нередко выливается в проступках против общества... но это не значит, что человек обязательно плох.

– Простите, теперь понятнее.

Он кивнул снова.

– Когда говорю о преступлениях, то это так, обобщенно. Мы боремся и против преступлений, если те слишком глобальны и приносят слишком уж большой вред другим людям. А если какая-то мелочь... Борьба с преступлениями – щекотливый вопрос. Если пойти по этой дорожке слишком далеко, то и за супружеские измены придется наказывать, а это, как все понимаем, изымет из нашей жизни половину очарования!.. Но это, как вы понимаете, общие слова. За эти цели и эти идеи борется все человечество. Или утверждает, что борется. Во всяком случае, никто уже не говорит, что убивать и грабить – хорошо. Это тоже наша заслуга. Словом, как вы поняли, наша организация потихоньку и незаметненько для общества подталкивает человечество к миру и прогрессу.

Я помолчал, озадаченный. Как-то не вяжутся такие сверхглобальные цели с этим неприглядным домиком с плохо окрашенным фасадом.

– И в чем, – спросил я, – это выражается?

– В наших рекомендациях, – пояснил он. – Сильные мира сего не всегда умнее и мудрее нас. Но даже будь все так, они все равно не в состоянии охватить все и вынуждены окружать себя знающими людьми. Раньше императоры, цари, короли и всякие султаны окружали себя мудрецами, а теперь – советниками, консультантами. Названия разные, но суть одна. Нас с вами можно с тем же основанием называть мудрецами, а мудрецов Сулеймана Великого – консультантами. Вы будете получать задания, сдавать будете мне. Если они меня устроят, я передам их выше. Какие из них проходят – не знаю. О том, какие приняты к действию, можем только догадываться.

– Как?

Он мягко улыбнулся:

– Чаще всего косвенно.

– По каким-то признакам?

– Да. Мы сами об этом узнаем чаще всего из СМИ.

Я слушал, кивал, весь во внимании, по всему телу нарастает знакомая радостная дрожь, как всегда, когда сталкиваюсь с трудной задачей, но всеми фибрами чувствую, что в состоянии ее

решить. Не надо быть мудрецом, чтобы понять, наша фирмочка не единственная, а всего лишь одно из низовых звеньев огромной организации, разбросанной по всему миру. И что идей, как улучшить мир вообще или остановить кровопролитие в отдельно взятом районе, где-то наверху собирается огромный ворох. Там их еще раз просматривают, отбирают с десятков самых-самых, а некое руководство уже...

Нет, оборвал я себя, это я залетел слишком высоко. На самом деле такие организации наверняка выполняют чисто местные задачи, но тем самым работают и на все человечество. Вряд ли какое-то правительство разрешит чужим действовать на своей территории, но наверняка выслушивает рекомендации. Применять или нет – другой вопрос, а свои мудрецы на что, пусть решают, без ворягов обойдемся, и все такое.

Он молча допивал кофе, к печенью почти не притронулся, за мной наблюдал внимательно. Я не сводил с него взгляда, наконец он сказал потеплевшим голосом:

– Вижу, вам не терпится получить первое задание.

– Хочу, – признался я. – Деньги обещаны большие, машину уже сейчас могу взять и пользоваться...

– Не хотите оставаться в долгу? – сказал он понимающе. – Хорошая реакция.

– Не хочу, – подтвердил я. – Конечно, понимаю, что могу не соответствовать такой высокой зарплате, но буду лезть из кожи, это обещаю.

Он неожиданно усмехнулся.

– Вы будете лезть из кожи не только ради зарплаты.

Я насторожился:

– А что еще?

– Сама работа, – ответил он загадочно. – Вы из тех, кто любит работать. А когда поймете, что ваша работа в самом деле спасает жизни... или хотя бы делает людей счастливее, то будете работать так, что не останется времени на виртуальные баймы!

Я молча улыбнулся. Ну, на баймы я всегда выкрою время. Пусть даже за счет сна.

Глава 6

Следующие два дня я занимался машиной: поставил на учет в ГАИ, прошел ТО, хотя непонятно, зачем для новой машины ТО, она же только из салона, почему сразу не выдают, а потом садился за руль где-то в полночь, ездил по тихим ночным улицам, где все равно движение не прекращается полностью, но все же ориентироваться на шоссе намного проще. За три такие ночи освоился, все вспомнил и утром четвертого дня приехал на службу уже на машине.

Я все вспоминал слова Глеба Модестовича, как он сказал, что приятно, когда сотрудники сыты, обуты и одеты. Значит, застал времена, когда сытость и обутость были не нормой, как теперь, а редким явлением. И не просто застал, даже мой отец застал, не говоря о деде, а уже тогда был руководителем, раз так это запало в его лексикон. Еще тогда старался вырвать для своих сотрудников лакомый кус, талоны на одежду и обувь. Гордился, что сумел «своих» обеспечить лучше, чем в соседнем НИИ. Сколько же ему лет? Я уже видел академиков, увлеченных работой, что в столетнем возрасте продолжают исследования, ездят на троллейбусе в библиотеку, в то время как «простой народ» мечтает дожить до пенсии по старости в шестьдесят лет да поскорее сесть на шею государству, требуя от него льгот, еще раз льгот и разных прибавок к пенсии.

Сегодня после обеда раздался звонок, Глеб Модестович с экрана посмотрел поверх очков строго и значительно.

– Чем занимаетесь?.. Впрочем, это неважно. Ерундой какой-нибудь. Бегом ко мне. Есть задание. Спешите, пока другие не перехватили!

Я ринулся из кабинета, пронесся, как конь, по коридору и ворвался к нему, не постучав. Он поднял от бумаг удивленное лицо, и я понял, что простую шутку принял за чистую монету. То ли здесь работу не хватают из рук, то ли ее столько, что делать – не переделать.

– Готов, – отрапортовал я.

– Сядьте, – посоветовал он. – Итак, первое задание. С виду простое, но это только с виду. На Черкизовском рынке нарастает взрывоопасная ситуация. Все больше голосов, что черножопые захватили и контролируют весь рынок. Уже вспыхивали мелкие стычки с местными, но мы ожидаем большого взрыва...

– Взрыв уже был, – напомнил я.

– Я говорю о взрыве народного гнева, – уточнил он. – Хотелось бы его предотвратить. Поезжайте, посмотрите, соберитесь с мыслями. Если появится какое-то решение, жду с нетерпением.

Я откланялся и вышел из кабинета. На рынок ехал, правда, настолько осторожно, что гаишники дважды останавливали и спрашивали, ничего не найдя: чего, гад, крадешься. Приходилось объяснять, что не прячусь на такой могучей машине, а все еще восстанавливаю прерванные навыки езды.

На Черкизовском провел около часа, переговорил с продавцами, изображая покупателя, и решение созрело еще по дороге в офис.

– Глеб Модестович, – сказал я, переступая порог, – ситуация в самом деле взрывоопасная. Очень хорошо, что вы успели обратить на нее внимание. Еще несколько дней, и местные, объединившись, устроят кровавую бойню. У всех накопело!..

Он сказал нетерпеливо:

– Это я знаю. Вы приступаете к поискам решения?

– Уже нашел, – ответил я скромно. – Если, конечно, оно вас устроит. Если нет, буду искать что-то еще.

Он спросил недоверчиво:

– Нашли? Так быстро? Что вы предлагаете?

– Удовлетворить, – ответил я, – требования местного населения. Русскоязычного, как говорят ублюдки, будто мы не в России!.. Но не по всему рынку, а выделить четкий участок рынка. Скажем, пятую часть. И чтобы сразу было видно, что там – торгуют русские. Только русские. Только своим товаром. С огородов или еще откуда-то – неважно.

Он смотрел исподлобья, морщился.

– Это слишком просто. И что это даст, по-вашему?

– Ясную картину, – ответил я. – Вы ведь застали еще Советскую власть?

Он поморщился сильнее.

– Я половину жизни прожил при том строе.

– Значит, помните разговоры в республиках, что Россия их объедает? Я сам не помню, но я хорошо изучал и тот отрезок времени. Во всех республиках население искренне полагало, что если бы удалось вырваться из-под гнета проклятой Москвы, то сразу же разбогатеют и заживут счастливо, не так ли?

– Так, – подтвердил он. – И что?

– После распада СССР все увидели, кто на самом деле кого объедал. И теперь практически все республики, кроме Азербайджана, где недавно открыли новые запасы нефти, смотрят на Россию с завистью. То же самое будет и на рынке. Если удовлетворить часть требований... часть!... то есть не убрать всех черножопых, а дать русским свободно и беспрепятственно торговать плодами своего труда, то накал на время снизится, а за это время гамбургского счета...

В его глазах холод начал таять, он кивнул:

– Ну-ну, договаривайте.

– За это время покупатели, заходя на «русскую сторону», увидят, как они и чем торгуют. Одно дело – кричать, что черножопые захватили рынок, а их выживают, другое – сразиться на равных. Покупатели увидят, что и товар у наших хуже, и цены выше, и сами продавцы – морды грубые и неумытые. В то время как черножопые любого покупателя встречают, как дорогого и любимого генерала. Даже маршала, что принес им спасение. Нет, я не идеализирую торговцев с юга, я бывал у них там на местах, в массе такие же, как и наши: не всегда вежливые, не всегда опрятные, и товар там всякий...

Он кивнул снова.

– Да, чтобы добраться до Москвы, нужна хотя бы решимость. Сюда едут лучшие, везут лучшие товары. Тот, что похуже, на месте сожрут.

– Вот-вот, – сказал я. – А патриотизм местных жителей, что поддерживают «наших», не распространяется на свой кошелек. Все мы, говоря о поддержке своих товаров, все-таки покупаем импортное: от носков и чайников до автомобилей. Мы не японцы, что упорно покупали дорогое отечественное, хотя американцы наводнили страну дешевыми и качественными товарами. И вот теперь японцы уже теснят на рынках саму Америку... А наши погалдят, что наше – это хорошо, но покупать пойдут к проклятым черножопым, которые и хитрые, и подлые, и все лучшие места захватили. Пойдут к ним потому, что те вкальвают по шестнадцать часов в сутки, каждую сливу оботрут и помоют, а наши продают их прямо в птичьей говне и с прилипшей паутиной... словом, мы должны убрать почву для слухов и домыслов, дать сойтись тем и другим в матче с гамбургским счетом.

Он слушал внимательно, ничего не записывал, но я понимал, что все здесь записывается, распечатывается, автоматически правится орфография и даже грамматика.

– Так-так, – сказал он наконец. – Идея неплоха.

– Спасибо, Глеб Модестович. Позвольте, я разовью мысль. Дело не в том, что черножопые работают лучше русских: все приезжие пахнут лучше местных. Украинцы и молдаване работают в России лучше, чем на Украине и в Молдавии, русские в Европе или в Штатах больше вкальвают, чем в России. Из Грузии или Азербайджана сюда приехали те, кто здесь собирается вкальвать втрое больше, чем вкальвал у себя дома. И рвут жилы по шестнадцать-восем-

надцать часов в сутки без выходных и праздников, стараются не потерять место, заработать, чтобы вернуться в пенаты героями...

Он кивнул, глаза внимательнее.

– Продолжайте.

– Здесь же они, – договорил я, – конкурируют с местными русскими, которые не прошли такой жестокий отбор. И те, понятно, проигрывают. Вот если эти кавказцы встречаются где-нибудь в Канаде или Венесуэле с русскими, то русские, понятно, не уступают ни по выживаемости, ни по любым другим признакам. Хотя бы уже потому, что приехать на край света за длинным рублем – надо иметь и здоровье, и отвагу, и решимость вкалывать по шестнадцать часов без выходных и праздников, чтобы заработать даже больше местных, которым, как говорится, и стены помогают.

– В самом деле, – повторил он задумчиво, – идея неплоха. Полностью конфликт не погаснет, но для взрыва накала будет маловато. Одно дело – бить плохих, чтобы помочь хорошим, да еще нашим, другое... гм... бить хороших чужих, чтобы помочь хреновым нашим. В нашем народе все-таки есть чувство справедливости. Чурок пойдут бить, если будут убеждены, что чурки – сволочи. А когда сравнение на рынке сделать наглядным, понятным для каждого входящего... Тогда и чурки станут не черножопыми, а армянами или азербайджанцами. Спасибо, Евгений Валентинович. Приятно было убедиться, что вы настолько... молниеносны!

– Я бываю и тугодумом, – признался я. – Но я рад, что вам понравилось. Какое следующее задание?

Он отмахнулся.

– Не так скоро. Загляните ближе к концу дня. Я пока что пойду с вашим предложением выше...

Я поклонился и вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

До конца дня я шарил по инету, мелькают новости политики, науки, военной техники, сельского хозяйства, изучил прогнозы на все-все, пропуская только шоу-бизнес и спорт, сравнил динамику роста рынка ценных бумаг Китая и Японии, трижды сходил в туалет, дважды – без всякой необходимости, но в надежде хотя бы краем глаза увидеть коллег, не один же я из низового состава.

Эмма поглядывала из-за высокого барьера насмешливо, я видел только ее голову с затейливой прической, что делает ее похожей на диковинный цветок.

– Проблемы с мочевым пузырем? – поинтересовалась она деловито. – Рекомендую гепаундететавит.

– А это что? – спросил я.

– Не знаю, – призналась она. – Слышала рекламу, что у кого проблемы с простатой, тот должен принимать этот гепаундететавит.

– У тебя хорошая память, – сказал я, – может быть, и ДНК знаешь, как полностью?

– Дезоксирибонуклеиновая кислота, – ответила она незамедлительно и покачала головой с укоризной. – Этому в школе учат, Евгений Валентинович. Так вам заказать гепаундететавит? Принесут из ближайшей аптеки! Немедленно.

– Нет у меня никакого простатита, – ответил я сердито. – У меня вообще никогда горло не болело.

– Здорово, – восхитилась она, – а у меня всякий раз после мороженого... Вам чего-нить принести в кабинет?

– Чего? – спросил я опасливо.

– Ну там кофе могу, чай еще умею... Печенье у меня есть. Работы почти нет, могу и поухаживать за единственным молодым мужчиной.

– Единственным? – переспросил я. – Кстати, а где все? По кабинетам?

– А где им еще быть, – удивилась она. – Вы ж кабинетные работники! Это вы все в коридор почему-то. Наверное, потому, что я здесь? Ну, скажите!

Я виновато развел руками.

– Конечно же, Эмма, разве может быть другая причина?

В шесть часов ровно я вышел из кабинета, украдкой оглянулся, но коридор пуст, только на самом конце все так же покачивается над полированным деревом стойки изящная башня из блестящих черных волос.

Когда я проходил мимо, Эмма вскинула голову, улыбнулась во весь рот.

– А, мой поклонник... Евгений Валентинович, вы ведь мой поклонник?

– Ну еще бы, – ответил я поспешно. – Попробовал бы я им не быть! Надеюсь, я не единственный?

– Но самый молодой, – заявила она безапелляционно, – так что я на вас глаз положила. А сейчас, если хотите, можете заглянуть к Глебу Модестовичу. Он так и сказал: «Если у него будет желание...»

Я задумался над такой странной формулой приглашения, обогнул ее стойку и постучал в дверь. С той стороны донесся голос Глеба Модестовича:

– Открыто.

Я вошел, он возился у окна с зацепившейся шторой. Лохматые волосы стоят дыбом, как у клоуна, на макушке ярко отсвечивает розовая лысина.

– Проблемы? – спросил он, не оглядываясь.

– Да не совсем, – ответил я стеснительно. – Просто пока чувствую себя не в своей тарелке. Никогда не думал, что буду работать в благотворительной организации.

Он обернулся, посмотрел искоса.

– Да? А мне казалось, что именно у нас вам и место. Ваши работы в обычном мире абсолютно неприменимы на практике, не так ли?

– А здесь?

– А случай с Черкизовским рынком? – ответил он вопросом на вопрос.

Я пожал плечами.

– Считаю это частностью. Вообще-то мои работы касаются общемировых процессов.

Он скупно улыбнулся, сел за стол.

– Спешите домой?

– Вообще-то нет.

– Тогда кофейку? – предложил он. Я кивнул, он сказал по связи: – Люся, два кофе и что-нить к нему.

– Если не затруднит, – сказал я на всякий случай.

– Нисколько, – заверил он. – А насчет работы... дайте время. Я имею в виду, себе. Главное пока что другое. Вам, я вижу, нравится у нас. Поверьте, все остальное придет.

Я спросил осторожно:

– А здесь еще есть сотрудники? А то, простите, никого, кроме вас и секретарши, я за весь день не увидел.

– Вы вроде бы не курите? – спросил он. – Народ больше в курилке встречается. Правда, у нас даже Арнольд Арнольдович недавно бросил... Все сидят в своих норах, им там уютно. Общаются больше по связи, вам стоит к ней подключиться.

Вошла Люся, перегрузила с подноса, кроме кофе, еще и кучу бутербродов. Глеб Модестович наблюдал внимательно, поинтересовался:

– Сыр козий?

– Конечно, – ответил Люся удивленно, – вы же велели...

– Это я для себя велел, – сказал он сварливо, – а вдруг ты для нового сотрудника решила верблюжьего положить. Ладно, беги.

Я осторожно взял бутерброд, мягкие подогретые хлебцы и нежнейший сыр, кофе просто дивный, я наслаждался вкусом, хотя вообще-то непривередлив и прекрасное от хорошего просто не отличу.

Люся ушла, бросив на меня игривый взгляд.

Я пробормотал:

– Ну не стану же я просто тыкать во все фамилии и говорить: «Здрассте, я новый сотрудник...»

– Ничего, – утешил он, – все обедают вон в том кафе, видите ребристую крышу? Это рядом, через дом отсюда. Сегодня вы просто пропустили обед...

– Я перекусил на Черкизовском, – сообщил я. – Знаете, от сердца отлегло. Я все еще мандражирую, если честно. Я ученый, привык к точным формулировкам, а здесь не могу сформулировать ни цели нашей фирмы, ни мое направление работы... А зарплата настолько огромная, что я очень хотел бы оправдать ее успешной работой!

Он покачал головой.

– Не торопитесь, все узнаете. А фирму нашу точнее называть организацией. А вот Орест Димыч, это наш самый экстравагантный сотрудник, упорно зовет масонской ложей. Отчасти это так и есть, хотя, конечно, никаких средневековых ритуалов, клятв и прочей ерунды нет.

– А цели и средства?

Он спокойно и с достоинством кивнул.

– Прекрасный вопрос, как говорят интервьюированные, чтобы подольститься к всемогущему телеведущему. Или к репортеру. Цели и средства наши практически совпадают с тем, что во все века провозглашалось масонством. Вернее, средства совпадают. Ну там свобода, равенство, братство, демократия, выборная система, гласность... Но разве это плохо? Разве не к их необходимости вы пришли во всех своих работах?

– Так то я, – ответил я. – Вы, конечно же, знаете, что из универа меня пинком под зад?

Скупая улыбка чуть тронула его губы.

– Зачем вы себя принижаете? Вы вполне могли остаться, приняв условия академика Кокошина. Он, кстати, вполне нормальный человек.

Я сказал чуть раздраженнее, чем хотел бы себе это позволить:

– Хотите сказать, что ненормальный – я?

Он даже не удивился, спокойно кивнул.

– С точки зрения академика – да и не только академика, ведь вас многие коллеги не поняли?.. – вы человек неадекватный. Вся соль в том, что мы здесь все чуточку сдвинутые. И вам предлагаем присоединиться к когорте ненормальных.

Глава 7

Я ощутил оторопь, не люблю общаться даже со слабо помешанными, но мозг услужливо напомнил про зарплату в пять тысяч долларов, автомобиль, обещанные квартиру, бесплатные перелеты – это все ненормально, нормальные триста долларов в месяц и на троллейбусе, так что в такой ненормальности что-то есть...

И еще момент: он сказал, что предлагают присоединиться. Значит, я пока что еще вне их организации. Хотя и работаю на них. Ну вроде как в Тевтонском ордене, где были рыцари, связанные орденой клятвой, и потому звались братьями, и было множество кнехтов и прочего люда, что работали на орден, при необходимости даже брались за оружие и вступали в бой рядом с братьями, но членами Ордена не являлись.

– Тогда все в порядке, – ответил я натужно бодро. – Рад, что все так хорошо. Простите, что отвлек! До завтра.

– До завтра, – ответил он, хлопнул себя по лбу. – Кстати, загляните по дороге в кабинет наших техников. Обязательно загляните!

В коридоре Эмма рассеянно улыбнулась мне и тут же перевела взгляд на экран. Ближе к выходу неприметная дверь с табличкой «Техобслуживание», я постучал и, не дождавшись отклика, толкнул. Помещение весьма и весьма, все стены уставлены мониторами, за длинным столом сидят шесть человек. Один сразу поднялся мне навстречу.

– Что же вы так долго, – сказал он нетерпеливо. – Можно подумать, увиливаете!

– От чего? – спросил я опасливо.

– От всего, – ответил он внушительно. – Должны бежать сразу к нам, чтобы не было сомнений в вашей лояльности...

Он говорил чересчур строго, чтобы я понимал, что шутит, но у меня все равно по спине пополз недобрый холодок. Подошел еще один техник, мои часы сняли и сунули мне в карман, на память, а взамен нацепили что-то фирменное. Я не понял, куда вмонтированы средства наблюдения: в браслет или в сами часы, но это и неважно. Часы вроде бы в самом деле дорогие, швейцарские. Настоящие, хотя подделки сейчас делают так же тщательно, а стоят раз в тридцать дешевле. Мягко порекомендовали, чтобы при контактах в квартире я вообще снимал и вешал на стену, у многих возле кровати есть такой особый крючок.

У меня нет аллергии на часы или браслет, обычно и сплю, не снимая, но многие снимают, так что все нормально, я всего лишь из тех, кто не снимает. Как я понял, дело даже все-таки не в часах, а в изящном браслете. Где там запрятана телекамера, я не стал досматриваться. Думаю, их несколько, чтобы наблюдение не нарушалось, какой бы стороной я часы ни повесил. Когда телекамеры стали размером с маковое зернышко, проблема видеонаблюдения сразу перестала быть проблемой.

Второй техник надвинул мне на палец кольцо. Тонкое, элегантное, теперь и мужчины перешли от массивных перстней к утонченной элегантности.

– Все, – сказал он. – Видите, и совсем не больно!

Я кисло улыбнулся, поблагодарил и вышел. На просторной стоянке блестят чистыми спинами автомобили наших сотрудников. Похоже, я покинул работу первым. Ну да я человек не стадный вообще-то, а инет у меня и дома есть...

На стоянке я в нерешительности обошел вокруг своей машины. Велико трусливое желание пойти к троллейбусной остановке или к станции метро. Там все спокойно, другие рулят. А на своей машине – это прежде всего ответственность, забитые дороги в час пик.

Я вздохнул и сел за руль этого сверкающего могучего чуда.

Одежда одеждой, ее можно снять под предлогом, что надо принять ванну. Часы в ванной снимают даже те, кто и спит, не снимая. А вот это тонкое изящное кольцо останется и в ванной, и в постели, и во время интимных моментов. Такое кольцо свидетельствует, что женат. Но если раньше женатые мужчины, выходя из дому, тайком снимали, здесь главное – не забыть надеть при возвращении, то сейчас, когда столько развелось охотниц на богатых женихов, многие неженатые, напротив, начали предпринимать такие вот защитные меры предосторожности.

Я с удовольствием вспоминал, как Кронберг удивился, что я так спокойно принял новость о постоянном мониторинге. Человек старого поколения, когда подсматривание считалось ужасным, преступным, он все еще живет теми представлениями, потому и реакцию ожидал другую, но я из новых, прекрасно отдаю себе отчет, что в усложняющемся мире без видеонаблюдения сперва за перекрестками улиц, за станциями метро, за вокзалами и даже аэропортами, а потом и за личной жизнью граждан – не обойтись в обществе, если оно все еще стремится быть высокоразвитым.

Абсолютно свободны только пещерные люди, да и то лишь до момента, когда начали сбиваться в стаи. Уже тогда пришлось некоторые свои прихоти пригасить, чтобы не мешали обществу, и с тех пор наступать на горло своим желанием приходилось все больше и больше.

Но выбор всегда был: не нравится ужиматься свободой – иди на свободные земли и живи, как хочешь! Выбор есть и у меня: не хочешь видеонаблюдения – оставайся на прежнем уровне жизни. Не нравятся ограничения, накладываемые обществом: стричься, бриться, ходить опрятным, посещать службу – иди в бомжи, ройся на помойках, зато абсолютная свобода!

Проснулся, полусонный потащился чистить зубы. Вспомнил, что за мной теперь наблюдают или могут наблюдать, автоматически подтянул живот, словно на пляже перед проходящей мимо блондинкой, разозлился сам на себя: как будто это для них важно, какой у меня живот!

Вынимая из подставки зубную щетку, я привычно положил пенис на край раковины и, пока чистил зубы, смачно и с удовольствием опорожнял мочевого пузырь, придирчиво рассматривая струю мочи: если кирпичный цвет, то хреново с почками, если оранжевый – мало пью жидкости, а если вот такой, как щас, – цвета соломки, то в самый раз, почки в порядке, жидкости потребляю в норме... Вот только опорожнить пузырь что-то стал в два приема, а это вроде бы говорит о разрастающейся аденоме. Сейчас то ли она помолодела, то ли наши задницы постарели от постоянного пребывания в креслах. С другой стороны, ночами в туалет не встаю, так что еще далеко до тревожащих признаков привычной, как говорят, мужской болезни.

Почистив зубы, заодно отряхнул и пенис, зашвырнув пару желтых капель на зеркало и потолок.

Телекамеры, наверное, уже расставлены и по квартире: со стационарных удобнее снимать, чем с ручного браслета, иначе голова закружится наблюдать.

Я поймал себя на том, что невольно присматриваюсь к местам, откуда за мной могут следить блестящие глаза, но опять же разозлился: сам же считаю, что в высокоразвитом обществе должна быть служба наблюдения и за частной жизнью! Потому что бомбу мастерят не на улице, а как раз дома, на кухне, так что все мы ради безопасности своей, своих близких и своих детей – должны поступиться частью своих свобод. Если я в самом деле так думаю, а я думаю именно так, то какого хрена?

Просто с непривычки, сказал я себе, успокаивая. Наоборот, гордиться надо, что я уже живу так, как остальные будут жить через какое-то количество лет.

Дверь лифта раздвинулись, я шагнул в кабину и ощутил запах мочи. Под ногами огромная желтая лужа, даже стенка под зеркалом в темных влажных потеках. Брезгливо отстранившись, простоял несколько пролетов. За пять этажей до первого лифт остановился, двери разошлись в стороны, с площадки шагнул мужчина, поздоровался.

Я сразу же указал ему под ноги. Он подпрыгнул и даже сделал движение выйти, но дверцы уже захлопнулись, лифт пошел вниз.

Он сказал с укором:

– Ну что ж вы так не сдержались?

– Да вот не добежал до работы, – ответил я в тон.

Он покачал головой.

– Надо с этим что-то делать. В новые дома всегда всякая бомжatina прет...

Лифт остановился, я пошел к дверям подъезда, а мужчина зашел в консьержскую. Солидный человек, не оставляет такое без внимания. А я все-таки малодушный, предпочитаю, чтобы с жалобами обращались другие.

Наш дом все еще заселяется, квартир здесь две трети коммерческие, потому покупают до сих пор. Периодически к подъезду подъезжает трейлер, дюжие грузчики начинают таскать новенькую мебель. В просторной комнатке консьержки появился стол, стулья, диван, телевизор, цветы, а из окошка на входящих теперь смотрит улыбающееся лицо приветливой бабульки.

Сегодня на работе я впервые увидел двух сотрудников, а когда наступило время обеда, за мной зашел Глеб Модестович. В облюбованном кафе один небольшой зал, оказывается, наша фирма, к великой радости хозяев кафе, заказывала ежедневное обслуживание в течение часа, а меню наши составляют заранее.

Меня приветствовали, хотя больше всего мне обрадовался хозяин кафе: пришел еще один кошелек. Глеб Модестович представил всем нового сотрудника, я раскланивался, на меня смотрели с некоторым любопытством, все старше меня по меньшей мере вдвое, к тому же я чувствовал, что своей докторской степенью никого не удивлю. Разве что тем, что она у меня с двадцати восьми лет, в то время как обычно ее получают лет в пятьдесят, реже – в сорок.

С меню помог разобраться Глеб Модестович, теперь в каждом кафе изощряются над блюдами по собственным рецептам, можно крупно попасть. Дальше пошло нормально, я ел наваристый суп и прислушивался к горячему спору между Цибульским и Жуковым. Обоим, похоже, под шестьдесят, но крепкие, налитые силой и взрывной энергией, только Жуков больше похож на медведя, который любому даст отпор, но сам в драку не лезет, а Цибульский прямо сыплет бенгальскими искрами, только и смотрит, в кого бы вцепиться острыми зубами.

Жуков обронил за обедом, что для продвижения его проекта нужна реклама, Цибульский сразу же фыркнул:

– Реклама? Ты не с Марса упал?

– Нет, – ответил Жуков. – А что такого? Ты про рекламу слышишь впервые?

– У нас Россия, – сказал Цибульский с вызовом. – Не в курсе?

– Да помню, помню... И что, в России не крутят рекламу по жвачнику? Не размещают в газетах, журналах, в инете?

Цибульский сказал с полным превосходством:

– Эх ты! Живешь в России и не знаешь, что у нас уникальная страна! И с уникальным народом. Здесь никакая реклама не срабатывает! И все деньги, что вбрасываются в это дурное дело, – это брошенные на ветер. Но по дурости, как же, – на Западе так! – запускают и запускают эту дурацкую рекламу...

– Какую? – спросил Жуков.

Цибульский отмахнулся:

– Любую. Любая реклама в нашей стране – дурацкая. Потому что рекламодатели не учитывают наш менталитет. У нас со времен первых царей вся власть и гласность были в кулаке правительства, не так ли? И они говорили то, что нужно правительству. Вот и въелось в нашу кровь это недоверие к СМИ.

– Сейчас пришло новое поколение, – заметил Жуков сухо, – оно не застало авторитарной власти попов и коммунистов.

Цибульский отмахнулся с большим пренебрежением.

– И что? Чтобы воспитать доверие к телевидению и прессе, надо, чтобы родители с пеленок это вдалбливали детям, как вон в Европе. И то дети, на то они и молодые бунтари, будут отбиваться и говорить, что телевидение и пресса все врут, раз в руках правительства хотя бы косвенно. А у нас и родители говорят, что вся пресса врут! Что ты от молодого поколения хочешь?

– Значит, все те дяди, что крутят рекламу, – дураки?

– Нет, эти дяди не дураки, еще как не дураки, но вот те, кто заказывает рекламу, – дураки набитые. И еще круглые. Как отличники!

Жуков насупился.

– Это ты на что намекаешь?

– Не вздыбливай спину, – сказал Цибульский успокаивающе. – Здесь почти все отличники. Вот и Евгений Валентинович, посмотри, какой молодой красавец! Отличник... наверняка.

Я смолчал, и меня деликатно перестали втягивать в спор. Я ел, присматривался, прислушивался. По всему, под крышей нашей фирмы сумели собрать очень даже неглупых и достаточно продвинутых ученых. Хотя до сих пор непонятно, что именно они делают, чем занимаются.

Мне все больше кажется, что мы выполняем роль, как бы это сказать мягче, менеджеров. Тех самых, именуемых в просторечии манагерами... Честно говоря, я, как и большинство населения, отношусь к ним с некоторым пренебрежением. Как к ловкачам, что сами ни черта делать не умеют, но присосались руководить теми, кто умеет.

И то, что их становится все больше: младшие менеджеры, средние, старшие, главные, генеральные, – говорит вроде бы о том, что эти паразиты плодятся гораздо быстрее, чем специалисты, которые умеют что-то производить. Если так пойдет и дальше, то скоро на каждого работающего будет по менеджеру.

Что такое менеджер? В старые времена это был надсмотрщик за рабами, что орал «Давай-давай!» и лупил плетью тех, кто давал недостаточно. По мере роста цивилизации функции надсмотрщика почти не менялись, только теперь начал лупить рублем, так больнее.

Однако же как в древности без надсмотрщика обойтись, увы, не могли, так и сейчас не получится. Сейчас тем более. Мир усложнился настолько, что без усилий уже не понять, что происходит. Тем более не понять, что и как делать. А к тому же лавина технологических новшеств, что вносит резкие изменения как в работу, так и в послеработье, загулы и расслабухи. Вот тут уже крайне необходимы люди, что быстрее других схватывают изменения в производстве и торопливо внедряют у себя, тем самым обходя конкурентов.

Конкуренция же двигает так необходимый нам прогресс. Так что от менеджеров на самом деле зависит намного больше, чем понимают даже знатоки проблемы управления. Хороший менеджер в состоянии так перестроить дела в хилой фирме, что даже без дополнительных вливаний она взыграет и обойдет на финишной прямой более сильных конкурентов.

Наша фирма, как я понимаю, занимается планированием менеджмента в самых разных масштабах. Здесь есть рекомендации как малым фирмам, так и глобальным корпорациям. Правда, я не думаю, что гиганты обращаются к нам с заказами, но, возможно, наши рекомендации все же попадают на стол хотя бы мелким сошкам в кабинетах крупных игроков.

Глава 8

Охранник поприветствовал широкой улыбкой. Чем-то нравлюсь, наверное, молодостью. В его двадцать лет видеть только умудренных жизнью величавых старцев наверняка угнетает. Молодых женщин что-то не видно, если не считать Тину, Эмму и Люсю, которые всегда на виду.

В здании я исследовал уже все от подвала до крыши, отыскал и буфет, благодаря которому Тина и Эмма в рабочее время никогда не покидают офис, начал скучать и подумывать, что не мешало бы объяснить Глебу Модестовичу, что дома я могу выполнять такую же работу с точно таким же эффектом. А то и лучше, принимая во внимание, что неожиданные яркие мысли приходят в том числе и в ванне с горячей водой или на толчке, когда отматываешь туалетную бумагу.

Эмма, посматривая на экран, настукивала двумя пальцами текст. Я зашел так, чтобы не видеть экран, а то ей придется альтабиться, но зато мой взгляд прикипел к низкому вырезу ее блузки. Она подняла на меня слегка затуманенный работой взгляд.

– Что, – предложила деловито, – показать сиськи?

– Ни в коем разе, – испугался я.

– Почему? Думаете, страшные?

– Потеряется вся прелесть тайны, – признался я. – Так могу только догадываться о весьма волнующих деталях, додумывать их, ну там цвет и расположение родинок, волосы, а вы сразу все испортите...

Она хитренько улыбнулась.

– А если это входит в мои планы?

– Какие?

– А чтоб посмотрели раз и больше не засматривались на сиськи!

Я покачал головой:

– Не поверю. Современная девушка, вот слова какие употребляете, и вдруг не хотите, чтобы я жадно смотрел на ваши... и чтоб даже не представлял, что с ними вот прямо щас уже делаю?

Она поколебалась, ответила чуть замедленно:

– Иногда, представьте себе, в самом деле не хочу. Наверное, на меня действует все это сумасшедшее окружение. И я начинаю думать не о том, чтобы вроде невзначай нагнуться, дабы вы увидели мою тщательно выбритую пилотку, что вообще-то нормально для любой современной девушки, а ломаю голову над квантовым императивом, тензорными уравнениями...

Я развел руками.

– Эмма, мы с вами – родственные души. Просто рассогласование во времени. Я только что часа два подряд думал о квантовом императиве и решал тензорные уравнения, а сейчас вот вышел, самец, ведомый инстинктами, целиком одурманенный вашими духами...

Она засмеялась:

– Да, у нас с вами как у моей замужней подруги. Она хвасталась недавно: у нее с мужем, дескать, полная сексуальная гармония! Вчера она не хотела, а сегодня он не может... Идиллия. Как вам работа?

– Первое задание уже выполнил, – похвастался я. Подумал о телекамерах и подслушивающих устройствах, добавил легкомысленным тоном: – Но слишком простенькое. Думаю, это вроде школьного задания, ничего серьезного. Просто проверка моих способностей. А вы чем занимаетесь?

– Курсовую пишу.

– На работе?

Она вскинула брови.

– Почему с таким ужасом? Это не мешает моим обязанностям. На самом деле у нас очень тихая организация, работы мало... Или ее просто не видно. Бывает, целыми днями занимаюсь только своими делами.

– Мечта любого бюджетника, – сказал я искренне. – Да и не только бюджетника. Думаю, нам с вами крупно повезло.

Она посмотрела лукаво.

– На что намекаете?

– Только на работу, – заверил я. – Но если вы хотите как-то соблазнить меня на что-то греховное, то со всей строгостью хочу заявить: отбиваться не буду! Более того, пойду вам навстречу.

– Ах, Евгений Валентинович, – сказала она печально, – почему я не вамп? Тогда бы да, я бы распоясалась и даже обеструсилась. Увы, на самом деле я такая тихая серая мышка... где-то глубоко внутри.

– Так то внутри, – сказал я решительно. – А человек только в том человек, что снаружи. Так что, пожалуй, я вам наверняка поддамся. Такое у меня чувство.

Она посмотрела лукаво, вдруг улыбка тронула ее губы.

– Да, вас сейчас распирают гормоны... Это и понятно, высокая зарплата и роскошный автомобиль – самые мощные стимулы выработки тестостерона. Уже в череп изнутри бьет, да?... А может, гм, в самом деле помочь вам привести тонус в норму?..

Она задумалась, я сказал умоляюще:

– Эмма, вы как в воду смотрите!.. Вернее, всего меня насквозь...

Она сказала нерешительно:

– А как вариант, чтобы в ванной ручками-ручками?

Я скривился.

– Да сколько можно... Так и до импотенции недалеко. Я, правда, не понимаю, зачем она мне вообще, эта беспокоящая потенция, но так, на всякий случай, пусть будет. Вдруг понадобится.

– Сейчас в моде асексуализм, – напомнила она.

– Это что-то вроде импотенции?

– Нет, асексуалы как раз могут, но не хотят.

– Раньше таких женщины называли мерзавцами и хамами, – пробормотал я. – Так что не надо в асексуалы. Я лучше по старинке сексуалом. Значит, поможете и с этой проблемой?

Она призадумалась.

– Ну... если учесть, что с выбором автомобиля тоже помогла... Кстати, а почему с таким пустяком не подкатываетесь к Тине?... Ах да, простите, я даже на каблуках вам до подбородка. Ну пусть до бровей, а для вас, мужчин, рост почему-то так важен, дурачки закомплексованные. Впрочем, лично мне это только на пользу. Я подхожу всем. Ладно, Евгений Валентинович. Посмотрим, сперва проверим, как вы научились управлять автомобилем.

– Вы имеете в виду ту, главную проверку?

– Ну да! Мужчина всегда должен крепко держать руль.

После окончания рабочего дня я лихо подогнал автомобиль прямо к подъезду, Эмма выпорхнула, как яркая бабочка, веселая и подпрыгивающая на ступеньках. Я потянулся к дверной ручке, но Эмма проскользнула в машину чуть ли не раньше, чем я успел открыть дверь.

– Привет, – сказала она весело, – ну что, давайте знакомиться?

– Только не здесь, – ответил я испуганно, – я и так еле держу руль, а с расстегнутыми штанами...

Она хихикнула.

– Ах, Евгений Валентинович, о чем вы размечтались!.. Давайте выкручивайте, а я критиковать буду.

– В смысле?

– Не так тормозите, не так разгоняетесь, дорогу не держите...

– У меня опустится либидо, – предостерег я.

– Ничего, я сумею поднять... когда надо. Вы уже бывали в «Артании»?

– Нет, а что это?

– Да новый ресторан открыли неподалеку. Стриптиз, говорят, там шикарный.

– Показывай дорогу, – сказал я решительно, – если стриптиз, да еще шикарный...

Она надула губы.

– Вот так сразу. Уверены, что в моем исполнении будет хуже?

– Но ты же сама восхотела, – запротестовал я. – Я так понял, что у тебя несколько нестандартная ориентация.

Она задумалась.

– Кто знает, может, и нестандартная... Как-то некогда было задуматься. Я совсем замученная и задавленная гранитом науки.

– Как и я, – сообщил я. – Вот щас мы с тобой распояшемся по самой полной!

В ресторане едва удалось отыскать свободный столик, как раз на двоих. Эмма сжалась и уступила мне свое место, чтобы лицом к эстраде. Стриптизерши в самом деле толковые, танцуют хорошо, позы принимают самые что ни есть эротические, но без особой вульгарности, вечер только начался, обе пока трезвые, столы и тарелки чистые, как и вилки, даже блюда мне понравились, хотя, конечно, проголодаться успел, однако как ни пытался, но развязаться не удавалось.

Вокруг довольные улыбающиеся лица, я тоже улыбался, но если все улыбаются потому, что им все нравится, то я лишь подстраивался к всеобщему дикарскому веселью. Эмма поглядывала на меня с понимающей улыбкой. По-моему, у нее те же проблемы, хотя женщины обычно быстрее попадают в струю веселья.

– Коньячка? – спросила она. – А то вы, Евгений Валентинович, слишком уж офирмились...

– Как это?

– Слишком умный, – ответила она с гримаской. – Разучаетесь получать кайф от простых человеческих радостей. Именно от простых! Даже очень-очень простых. От них даже козы умеют. Даже жуки и бабочки всякие.

– Куда нам до жуков, – пробормотал я печально.

– Старайтесь, – сказала она наставительно. – А то в самом деле одни тараканы выживут!

– Стараюсь, – ответил я. – Нет, коньяк – это слишком. Попробуем поглупеть от шампанского.

– Только не сопротивляйтесь поглупению, – предостерегла она. – А то среди вас и в этом деле начинается...

– Что?

– Кто кого перепьет. А надо бы наоборот: кто быстрее опустит интеллект до нуля... или хотя бы приемлемых для веселья величин. И денег уйдет меньше, и здоровью не такой вред, да и вообще быстрее начнете получать кайф от простых и этих... как их, ага, человеческих радостей.

Я осушил бокал шампанского, постарался не скривиться, кислятина, а у меня нормальные мужские вкусы – люблю сладкое.

– Да теперь, – пробормотал я, – вообще можно без алкоголя. Это раньше нужно было женщину напоить, чтобы залезть к ней в трусы...

На эстраде после короткого отдыха заревели трубы, оглушительно бамкнули медные тарелки, загрохотал барабан, и начался ритмичный рев, который после третьего бокала шампанского почему-то начал нравиться. Эмма поднялась и потащила танцевать, и хотя из меня танцор как из слона балерина, но я добросовестно шевелился и двигал задом, так как в такой толчее не потанцуешь, что и хорошо.

Эмма прижималась ко мне, пару раз игриво пощупала причинное место, я зарычал, наконец она сказала деловито:

– Ладно, возвращайтесь к столу. Я сейчас вернусь, подправлю помаду.

Вернулась свеженькая, в глазах вопрос, я поднялся навстречу.

– Я уже расплатился. Пойдем?

– Пойдемте, – ответила она тут же. – Зайдите, помойте руки. Я не хочу, чтобы ваш мочевой пузырь лопнул. Вы ж из тех, что терпят... Интеллигент – это тот, кто терпит.

Она ждала на улице у машины, но когда я подошел, с другой стороны подбежал невысокий юркий парнишка.

– Я здесь, – сказал он быстро. – Вызывали? Куда ехать?

Эмма назвала мой адрес, парень сел за руль, работа у него такая: отвозить поддавших на их машине, а мы уединились на заднем сиденье, где Эмма, в поисках экстремального секса, начала энергично сдирать с меня штаны. Я, как конфузливая барышня, сперва хихикал и противился, потом сообразил, насколько выгляжу глупо и немужественно, водитель уже откровенно ржет, я сделал вид, что просто прикалываюсь, и некоторое время играли в женщину-вамп и последнего девственника.

Когда подъезжали к дому, я уже натянул штаны, а Эмма деловито подновляла стершуюся губную помаду.

Она вошла в мою комнату, очень серьезная и с оценивающим выражением в глазах. Однокомнатная холостяцкая квартира, простенькая мебель, телевизор с небольшим экраном, кухня так вообще спартанская... Я посмотрел ее глазами и решил, что при моей зарплате со временем все здесь заменю.

Эмма оглядывалась с интересом, я сразу же метнулся к плите: кроме кофе, я вообще-то готовить ничего не умею, но в холодильнике что-то отыщется. Эмма держится так, словно четверть часа тому не развлекались на заднем сиденье, сейчас она снова милая приветливая леди, а я – принимающий гостей хозяин.

Но она вдруг посмотрела на меня очень задумчиво и произнесла очень-очень серьезно:

– Евгений Валентинович, вам как требуется: с прелюдией или сразу в постельку?... Или даже без постели, ну ее на фиг, сэр?

– Лучше с прелюдией, – ответил я ей в тон. – Не слишком длинной, правда. Чтоб успеть по чашке кофе. А то без прелюдии почти то же самое, что одному в ванной.

– Какой вы старомодный, – удивилась она. – Вот уж не подумала бы. А я, дура, смотрю: наконец-то молодой парнишка появился в коллективе! Ну и что, если профессор, у всех есть недостатки, зато молодой, что для меня, я ведь тоже старомодная чуточка, имеет некоторое значение...

Я спросил с надеждой:

– Значит, это ты на меня глаз положила?

– Я, – заверила она, – все я.

– Камень с души, – пробормотал я. – И все провернула так, чтобы я смотрел на твои ноги до тех пор, пока не вообразил их на своих плечах, а потом уже, понятно, инстинкты взяли верх, и пошло по накатанной?

– Мы ж в таком месте работаем, – объяснила она, – у нас все предсказуемо.

– Ага... Выходит, это не я буду свои гормоны приводить в норму, а ты – свои?

– Вот видите, Евгений Валентинович, – сказала она ласково, – вы и в этих делах догадливый. Далеко пойдете!

Я пробормотал:

– Нет, я так не согласен. Мое мужское самолюбие уязвлено. Я должен быть сверху. В смысле, моя позиция сверху...

– Договорились, – сказала она быстро.

– Нет, я не то имел в виду, – сказал я строго. – Вы, Эмма, мне голову не дурите, я еще с утра задуренный. Я сейчас совсем не головой соображаю.

– Вот и хорошо, – произнесла она еще ласковей. – Зачем мне, умной женщине, умный мужчина в партнеры? Одно стеснение будет. И расслабиться не получится.

Я предположил нерешительно:

– А может, это вы будете дурочкой? Как-то традиционнее. Привычнее.

– Старые привычки надо ломать, – сказала она строго. – Мы, как и негры, слишком долго страдали от вашего мужского шовинизма. Теперь пришел час расплаты!

Я вздохнул и покорно склонил голову.

– Винюсь. За всех мужчин приму издевательства и вымещение... злобы. Нет, справедливой мести.

Пока я делал кофе, она проверила холодильник и сумела буквально из ничего сделать нам по бутерброду. Брехня, что женщина из ничего может сделать только салат, прическу и трагедию! Бутерброды вполне, вполне...

Заснули мы на смятых и влажных простынях, и, хотя разогрелись так, что от наших тел накалился даже воздух, я не сбрасывал ее горячие ноги, когда она во сне забрасывала на меня.

Глава 9

Блондинка – это среднее между человеком и резиновой куклой. Такое определение я придумал, когда Эмма, весело напевая, возилась на кухне. И неважно, что брюнетка, дело не в цвете волос. Хорошенькая, работоспособная, с прекрасной памятью, ведет все дела шефа, а значит – допущена во все его тайны, но на самом деле мало отличается от резиновой куклы грядущих технологий, когда такая кукла будет еще и за пивом бегать к ларьку или заказывать его по инету, чесать тебе пятки и делать за тебя ставки на бирже.

На все мои вопросы отвечает честно и правдиво, ничего не утаивая, но я с разочарованием увидел, что я знаю намного больше, а она все еще полагает, будто работает в крупной благотворительной организации.

За первую неделю на службе ничего не произошло, я томился в ожидании заказов, все-таки такую зарплату обрабатывать надо. Глеб Модестович успокоил, от меня пока что требуется только готовность и знание ситуации в мире. По тому, как он сказал «в мире», я с холодком восторга понял, что нашими разработками пользуются и коллеги за рубежом.

Возвращаясь с работы, обнаружил, что в большом лифте нашего дома вдрызг разбили зеркало. А вечером квартиры обошел тот мужчина, с которым мы ехали в лифте, стараясь не особенно вступать в лужу мочи, пригласил через час спуститься в холл на собрание жильцов.

Собралось едва ли треть из живущих, обсудили проблемы, выбрали председателя домового комитета, конечно же – самого инициативного, а именно того, с кем мы ехали в злополучный день, после чего договорились, сколько платить ежемесячно за улучшенную охрану, и тут же с облегчением и осознанием выполненного долга разошлись. Днем спустя, возвращаясь с работы, я наткнулся в холле на крепкого усатого дядю в пятнистом комбинезоне десантника. И хотя эти комбинезоны продаются в любом магазине и на любом базаре, но этот дядя показался в самом деле достаточно крупным, бывалым и побывавшим.

Он сидел в кресле и смотрел на дверь, так что я сразу попал под прицел его холодных глаз. Поднявшись, он загородил дорогу.

– Кто? К кому?

Голос звучал зло и недружелюбно. Я ответил почти тем же злым и раздраженным тоном:

– К себе! А что, надо разрешение?

– Надо, – отрубил он. – Документы есть?

– Не ношу с собой, – отрезал я. – А что, надо?

– Кто может подтвердить, что вы здесь живете?

Я, все больше заводясь, назвал номер своей квартиры, он тут же отыскал ее в списке, но сказал с сомнением:

– А откуда видно, что вы и есть Евгений Черкаш?

Из лифта вышла пара жильцов с собачкой, раскланялись со мной. Дядька указал на меня, те заулыбались и подтвердили, что все верно, я владелец квартиры в этом доме, но какой, не знают.

Дядька кивнул мне:

– Проходите. Служба такая.

– Порядочки, – фыркнул я. – Полицейское государство!

Сегодня, возвращаясь с работы, снова увидел того же усатого дядьку. Он мазнул по мне цепким схватывающим взглядом, сравнил с тем фото, что отпечаталось в его мозгу, и вопросов больше не задавал. Я прошел мимо к лифтам, подумал, что вообще-то не так уж плохо, когда на входе такой вахтер. На самом деле уже не вахтер, а военизированная охрана, но все по привычке называли его вахтером, тем более что как раз и несет вахту.

Потом сменили и остальных двух теток, что обычно смотрели телевизор и вязали одновременно, а кто в это время проходит в дом, им без разницы. Мужчины же относятся к своим обязанностям серьезно: даже тех, кто уже не раз приходил в гости, задерживали и сами звонили хозяевам: в самом ли деле ждут таких-то... фамилия неразборчива... Или же эти называют вас для отвода глаз, а сами пойдут грабить квартиры на других этажах?

В первые дни это смешило и раздражало, но, когда в соседних домах, где вахтерами оставались мирные бабульки, какие раньше были у нас, прокатилась волна квартирных ограблений, а в нашем доме ни одной кражи, даже самые ворчливые признали, что бдительность – роскошь совсем не излишняя.

Но кражи – это что-то из разряда ЧП, а вот что в лифтах и на площадках теперь всегда чисто, зеркала никто не бьет, на лестнице не встретишь укуренного наркомана, неизвестно как сюда попавшего, а то и компанию пьяных парней и шлюшек, что оставляют после себя гору бутылок, окурков, шприцов и прочего мусора, – это здорово.

Раз в неделю Глеб Модестович собирал всех на планерку. Я не знаю, что такое планерка и какой бывала раньше, словцо дошло из того времени, когда у власти были коммунисты, но сейчас это свободный треп и жаркий обмен мнениями. Тему обычно задавал Глеб Модестович, а дальше то ли брейнсторминг, то ли обычная брехаловка. Иногда наши разговоры напоминали болтовню поддатых грузчиков у пивного ларька, когда те берутся рассуждать о глобальных проблемах и способах их разрешения, но иногда я ловил себя на странной и пугающей мысли, что мы скрупулезно разбираем события в разных частях земного шара не просто так, не просто...

Через месяц я получил пять тысяч долларов, в пересчете на рубли, разумеется. И хотя внутренне был готов, но все равно ошалел, получив несколько пачек в банковской упаковке. Ехал домой и думал: не ограбят ли, никого не буду подвозить, даже если проголосует красotka с вот такими ногами от нижней челюсти, а в лифт не зайду с незнакомыми, словно я непорочная девица, страшась изнасилования...

Через два месяца меня вызвал Глеб Модестович. Очень серьезный, пригласил сесть, сам встал, прошелся вдоль стены, зачем-то выглянул в окно.

– Евгений Валентинович, – сказал он, повернувшись ко мне и глядя в глаза неотрывно, – как вам у нас?

– Я... – сказал я, – просто счастлив.

Я порывался вскочить, трудно сидеть, когда начальник стоит, да еще если он вдвое, если не втрое старше, но Глеб Модестович повелительным движением загонял меня обратно в глубину кресла.

– Не подпрыгивайте, могу же я немного размять старые кости?.. Мне много сидеть вредно. Вы тоже, Евгений Валентинович, вроде бы прижились. Ваше участие в планерках показывает, что очень хорошо вникаете в то, что сейчас происходит по всему миру. Ваши идеи, что вбрасываете, очень часто оригинальны и очень интересны.

– Спасибо, Глеб Модестович.

– Не за что. Главное, ваши идеи... что и как исправить, при всей оригинальности достаточно реалистичны.

Я позволил себе вставить осторожно:

– Игра ума. Вообще-то это самые лучшие в мире игры.

– Вы правы, – согласился он, добавил со странной усмешкой: – А что не игры? Как подумаешь, от каких странных вывертов все зависит... Вы все еще верите, что наша организация – чисто благотворительная?

Я сказал осторожно:

– Да, но случай с Черкизовским рынком показал, что иногда мы действуем несколько активнее. Я уже знаю по новостям, что там треть всех рядов выделено только для местных.

И что в московское правительство подано предложение распространить это нововведение на все рынки столицы.

Он даже глазом не моргнул, в глазах непонятное выражение то ли одобрения, то ли осуждения.

– Успеваете за новостями следить, – резюмировал он, – это хорошо. Кстати, такое предложение подано не только в московское. Надеюсь, пройдет и по всей России. Это вам большой плюсик... Ну, а теперь о наших баранах. Вы правы, благотворительность благотворительностью, но у нас задачи несколько поважнее.

Я превратился в слух. Он заметил мое изменившееся лицо, медленно кивнул.

– Догадались? Верно, вам открываем допуск на этаж выше. На самом деле мы занимаемся не столько благотворительностью, хотя это выглядит именно так, а... убираем помехи с дороги научно-технического прогресса. Хотя да, это и на конечном этапе выглядит как благотворительность, ибо только прогресс в состоянии избавить человечество от нищеты, голода, болезней и преждевременных смертей. А благотворительность в чистом виде – глупость. Конечно, мы можем развозить в голодающие страны зерно и медикаменты – и развозим! – но это не лечение болезни, а лишь примочки, чуть-чуть снимающие боль.

Я сказал торопливо:

– Ну да, вы говорили, что голодающим даете не рыбу, а удочки.

Он кивнул.

– Что-то в этом роде. И останавливаем тех, кто попытается мешать местным ловить рыбу. Останавливаем, как вы уже знаете по своей работе, не насильственно, а стараемся отвлечь на другие цели, разжигаем иные интересы. Конечно, могли бы и силой, мы не слюнтяи, как можно подумать изначально, но силовые методы неэффективны! Эффективнее, как у вас сказано в ваших работах, когда человек сам рвет жилы, развивая свой бизнес.

Я слушал, слушал, и, как недостающие обломки хитрой головоломки, многое становилось на свои места. Не только я занимаюсь делом, но и все сотрудники. Не симптомы лечим, а боремся с самой болезнью. А иногда успеваем даже предотвратить. Вообще-то главная задача медицины – не лечить, а предотвратить заболевание.

– Благодарю за доверие, – сказал я с чувством.

Он хитро прищурился.

– Признайтесь, уважение к нашей организации повысилось?

Я замялся, затем кивнул.

– Честно говоря, сперва относился к ней не совсем серьезно. Ну, как ко всем благотворительным. Ценил только за высокую зарплату. А теперь уважаю по-настоящему.

Он наконец сел, откинулся на спинку кресла, довольный, только что не заурчал, как сытый кот у камина, некоторое время изучал меня с удовольствием на лице, наконец изрек:

– Хорошо, идите! Помните, теперь вам придется решать задачки потруднее. И... глобальнее.

– С удовольствием поработаю в полную силу, сэр.

Только в коридоре сообразил, что брякнул не совсем умно, а как бы, бахвалясь, проговорился, что вообще-то работал спустя рукава.

Через месяц я получил десять тысяч долларов, что повергло в радостный шок. Когда Глеб Модестович сказал насчет допуска на этаж повыше, я расценил это как рост доверия, мол, буду знать чуть больше, но чтобы сопровождалось и такой финансовой добавкой!

На планерках-бреймстормингах по-прежнему изоощряемся в придумывании способов выхода из локальных конфликтов, мирим враждующие стороны, находим компромиссы между группировками на Балканах, перекрываем пути наркотрафика и нелегальных поставок оружия, рушим последние диктатуры, уменьшаем преступность...

И хотя большинство идей, понятно, от веселого настроения или желания щегольнуть оригинальностью, но не оставляет ощущение, что какая-то часть предложений, пусть самая крохотная, все же обрабатывается и доводится до сведения власть держащих. Если эта догадка верна, тогда я могу понять, почему у нас такая сверхвысокая зарплата. Вообще-то это рентабельно: собрать вместе яркие умы, что обычно горят на сотую часть силы в окружении обычного народца, и заставить их тереться друг о друга, высекая яркие искры озарения.

Сегодня изошрялись на тему раскованной морали, хорошая и приятная мишень для зубо-скальства, оттянулись по полной, все-таки умнейший собрался народ, а когда умнейший – шутки сыплются градом, все изысканные, с двойным-тройным дном, отточенные уже в момент возникновения. Глеб Модестович сдержанно улыбался, но глаза оставались серьезными, наконец негромко похлопал ладонью по столу.

– Да, – сказал он в тишине, – сейчас достаточно спокойный период. Если не считать, конечно, что Штатам придется отступить из Ирака, что нефть продолжает дорожать, но это все заранее известно, а значит, не опасно. Но при всем этом благополучии не стоит забывать, что такая тишина вполне может быть взрывоопасной...

Роберт Тарасюк, профессор, доктор и лауреат множества премий, сказал угодливо:

– Это точно, шеф.

– Вот-вот, – проронил Глеб Модестович. – Мы должны учитывать, что ситуация может резко измениться...

– Золотые слова, – сказал Тарасюк с восторгом, – да, мы все должны это учитывать и постоянно работать над этим!

Глеб Модестович перевел взгляд на меня.

– В старые времена во флоте первым давали высказаться самому младшему. У вас, Евгений Валентинович, какие-то предложения есть?

– По какому вопросу? – спросил я.

Он обвел взглядом присутствующих. Они все смотрели уже на меня. Смотрели требовательно, я чувствовал, как начинаю взмокать.

Глеб Модестович сказал медленно:

– Обществу нужно постоянно подбрасывать что-то, иначе дурная энергия будет прорываться, как теперь любят говорить, непредсказуемо. А стабильному обществу не нужны ни забастовки, ни стихийные демонстрации, ни акции протеста... неважно, против чего эти акции.

Я подумал, спросил осторожно:

– А если мы сами организуем эти акции?

Он ответил незамедлительно:

– При условии, что они будут под нашим контролем.

– Это можно, – сказал я. – Например, во всем мире наблюдается ужасающая дискриминационная политика насчет заселяющихся гостей...

Тарасюк надулся и прервал недовольно:

– Это где же? Это в каком же, простите, месте?

Глеб Модестович вскинул успокаивающе ладонь.

– Тихо-тихо, дорогой Роберт Панасович. Это наш юный друг уже подает, как это будет... э-э... подаваться в СМИ. Верно?

Я кивнул.

– Да. Я вчера вернулся из Ярославля, два дня прожил в хорошем отеле. Даже очень хорошем, элитнейшем! Пять звезд, надо же... Но, увы, даже там я с прискорбием обнаружил разделение гостей по дискриминационному признаку. Представьте себе, мужчин селят отдельно, а женщин – отдельно! Это в наше-то просвещенное время, когда уже сто лет как даже в школах ввели совместное обучение мальчиков и девочек!

Я говорил с подъемом, после подъема жалования и жаркого романа с Эммой чувствовал себя намного увереннее. Судя по прищуренным глазам Глеба Модестовича, он все понимает, принимает и одобряет. Закомплексованный работник будет держаться зажато, рискованную мысль не выскажет, а именно в ней, возможно, и нашлось бы ценное зерно, так что эта педагогическая мера сработала. Кто знает, возможно, Эмма работает по особому контракту, проверяя сотрудников, но вряд ли признается. По крайней мере, вот так сразу.

Сотрудники начали задумываться, вон у Арнольда Арнольдовича брови сдвинулись над переносицей, а лоб Ореста Димыча избороздили глубокие морщины.

Жуков поинтересовался:

– Предлагаете инициировать запросы в сенатах и прочих парламентах по поводу совместного поселения в номера мужчин и женщин?

Я покачал головой.

– Нет, мы же говорим о том, чтобы чем-то занять население?.. Вот пусть само население и начнет. А мы незаметно поддержим. Начнется ожесточенная полемика в прессе о допустимости и недопустимости, о моральных границах, о законах нравственности, которые нельзя нарушать...

Жуков хмыкнул.

– Как будто уже не все их нарушили! Да еще и узаконили... Простите, что прервал.

Я наклонил голову, принимая извинения, в груди разлилось приятное тепло, сам Жуков, ветеран из ветеранов, извинился, это ж надо. Так в самом деле уверюсь, что чего-то стою.

– Вообще-то знаем, чем все это закончится, – продолжал я. – И другие умные люди знают. Но идиоты, которых большинство, начнут шумную кампанию...

Арнольд Арнольдович тонко улыбнулся.

– Насколько я понял, начнем мы?

– Мы бросим первый камешек, – уточнил я. – Если понадобится, то где-то поддержим одной-двумя статьями в прессе. Но думаю, что все покатится без нашего вмешательства.

Он потер руки, почти промурлыкал:

– Люблю изящные решения. Когда большие результаты достигаются минимальнейшим вмешательством. Как верно выразился наш юный друг: бросить крохотный камешек в нужное время и в нужном месте. А лавина пойдет по точно указанному маршруту.

Арнольд Арнольдович сказал задумчиво:

– А знаете... это может даже оздоровить общество. На сторону этого предложения могут встать, как ни странно, даже ортодоксальные секты... да что там секты, церковь наверняка встанет.

Жуков спросил ошалело:

– Церковь?

– Ну да. Не усек?

– Прости, я что-то кофе недоперепил, голова чугунная.

– Говорят, гильотина помогает, – любезно посоветовал Арнольд Арнольдович. – Церковь, как известно, пока что твердо стоит против однополых браков. Несмотря на попытки отдельных священников легализовать такое противоестество, церковь помнит, что за такое Господь сжег Содом и Гоморру, так что...

Жуков сказал быстро:

– Я понял! Сейчас мужчин селят вместе, а это как бы подталкивание к гомосексуализму! Ведь это раньше парни могли пройти по улице в обнимку, и никто бы не подумал на них ничего из того, что сразу подумают сейчас, а теперь, когда даже кровати стоят рядом...

– Верно, – поддержал Цибульский, – расселить, чтобы и мыслей подобных не было! А женщина на соседней постели – это кайф. Можете трахаться – это нормально, можете сохранять супружескую верность: то и другое – хорошо, естественно.

Глеб Модестович быстро набрасывал что-то в блокноте, вскидывал обезьянью мордочку, всматривался в наши лица, будто рисует шаржи, но я скосил глаза и увидел множество мельчайших закорючек тайного языка стенографии.

Только Орест Димыч помалкивал, но я уже в каком-то прозрении видел по его лицу, что перед его мысленным взором все центральные города Европы и Штатов, митинги на улицах и столкновения демонстрантов с противоположными лозунгами, радостный всплеск оживления в СМИ, новые темы и даже рубрики в телепередачах, дебаты в правительствах, разноречивые требования общества...

Глава 10

Предложения, идеи и пожелания я сдавал Глебу Модестовичу. Сотрудники все те же, новых не прибавилось, так что всех уже знаю как облупленных и только теперь заметил, что очень давно не видел Эдуарда Кронберга.

Тихонько во время обеда в кафе спросил у Глеба Модестовича, не заболел ли Кронберг, это тот, который принимал меня на работу. Арнольд Арнольдович и Жуков переглянулись, а прямодушный Тарасюк сказал грубо:

– Что тебе до Кронберга? Живи, работай.

– Да я просто так... – пробормотал я. – Интересно.

– Он здесь вряд ли появится, – сказал Тарасюк. – Глеб, передай, пожалуйста, аджику...

Спасибо!

Я смотрел, как он щедро поливает красной пастой бифштекс, лицо спокойное, но чем-то предупреждающее, что про Кронберга говорить не стоит.

Глеб Модестович взглянул на меня с пониманием в добрых глазах, помялся, не зная, что сказать, повернулся к Жукову.

– Володенька, вы пойдете на выборы?

Жуков так удивился, что выронил бутерброд и едва поймал его над чашкой чая, но половина красной икры все равно обрушилась в горячий напиток.

– Черт, – сказал он со злостью, – ну что вы каркаете такие глупости? Любой политический режим – это парламент шлюх, не так ли? Только при демократии шлюхи – сам народ. А у меня к шлюхам никогда не было почтения, и я никогда не ставил между собой и шлюхами знак равенства. Да, бывало, пользовался, чего греха таить, но я и туалетом пользуюсь.

– Фи, – сказал Арнольд Арнольдович с достоинством.

– Вот именно фи, – рыкнул Жуков сердито. – Нашел о чем спрашивать! За столом.

– Так ведь все телеканалы забиты этой подготовкой к выборам, – сказал Глеб Модестович, оправдываясь. – Такие дебаты, такие страсти! Хотя вы правы, ничего не изменится, кого бы ни выбрали.

Арнольд Арнольдович вежливо хохотнул:

– Выборы проводятся только для того, чтобы узнать, чей предвыборный прогноз оказался точнее. Этот тот же ипподром, на который вы хаживаете...

– Это было в молодости, – огрызнулся Жуков. – Очень далекой.

– А для недо... как вы их там, вся жисть – игра, игра, игра... Играя, старятся и мрут, так и не став взрослыми.

– Они еще и гордятся, – бросил Тарасюк обвиняюще, – что остались детьми! Представляете, здоровенные дети в пятьдесят лет с умом и желаниями младенцев!

Он умолк и проводил взглядом двух женщин, что заняли столик у окна. Одна сбросила на спинку стула легкую блузку, обнажив блестящие загорелые плечи и почти открыв удивительно округлую и приподнятую грудь, вторая сразу откинулась на спинку, давая возможность всем мужчинам в кафе любоваться ее пышной и удивительно четко очерченной грудью.

Жуков, потаращив глаза с восторгом, вдруг помрачнел и фыркнул с неприязнью:

– Силикон!

Цибульский тут же поддакнул:

– Да, ненастоящие.

– Ага, – буркнул и Орест Димыч с готовностью.

Они принялись за десерт, но время от времени поглядывали на женщин, да и как не поглядывать, такие сиськи приснятся – встанешь утром с мокрыми трусами. Любопытно, мелькнула мысль, впервые за всю историю человечества совпали мнения и отношение как

самых старых пердунов и дряхлых злобных бабок, так и тинейджеров. Раньше абсолютно во всем вкусы диаметрально расходились. Все, что нравилось старшему поколению, для молодых парней – отстой, маразм, а молодые парни, с точки зрения стариков, вообще с ума сходят.

И вот впервые мнения абсолютно совпали. Когда в инете появляется пышногрудая красотка, тут же пацаны пишут комментарии: «силикон, говно!», «а сиськи-то силиконовые», тем самым подразумевая, что говно, или «не верю, что настоящие!».

Я сперва удивлялся дебилам, дословно повторяющим слова старух на лавочке перед подъездом. Старухи, правда, в свое время отвергали и короткие юбочки, и бикини, и краситься было низзя, и ресницы подводить, да и губная помада – грех, ну хоть про помаду малолетние дурочки молчат, хотя силиконовые сиськи или гель в губы – это всего лишь само собой разумеющийся следующий шаг от тонального крема, помады и туши для наращивания ресниц.

Потому я с молчаливым сочувствием наблюдаю, как Тина приходит на работу вся в тщательно замазанных кровоподтеках, потом даже татуаж появился, что значит – надо запрятать крохотный шрамик от подтяжки.

Тарасюк первым расправился с пирожным и большой чашкой травяного чая, ушел, не дожидаясь остальных: дела, дела. Мы еще некоторое время наслаждались десертом, здесь готовят великолепно, и такой же дружной группой потопали к своему зданию.

– Хорошо, – сказал Орест Димыч довольно, – и жизнь, эта, хороша...

– Бабс нету, – заметил Жуков глубокомысленно.

Я кивнул на улицу, к троллейбусной остановке как раз подошла целая стайка молоденьких женщин.

– А эти что?

– В фирме, – пояснил Жуков. – На легких ролях их много, но чем выше – тем женщин меньше.

Арнольд Арнольдович молча кивнул, а Орест Димыч заметил с усмешкой:

– Волнует проблема равенства? Женщины по-настоящему сравниваются с мужчинами лишь тогда, когда согласятся облысеть.

Глеб Модестович хохотнул и погладил свою лысину.

– И еще признают, – добавил он, – что это весьма респектабельно!

Жуков и Орест Димыч засмеялись, я понял, что политкорректность в нашей фирме, к счастью, и не ночевала. Думаю, ее вообще не пускают даже на порог, остановив на входе и тщательно проверив металлоискателями.

– С женщинами легче работать, – осмелился вякнуть я. – Они понятнее, проще, предсказуемее. Не то что мужчины... А нам, как я понимаю, нужен предсказуемый мир.

Глеб Модестович поморщился.

– Евгений Валентинович, мир ни в коей мере не является предсказуемым. Но мы стараемся сделать его...

Он запнулся на минутку, я подсказал услужливо:

– Предсказуемым!

Он отмахнулся.

– Нет, управляемым. Да, представьте себе! Когда мир предсказуем, то это всего лишь предсказуемость. В смысле, предсказуемость пассивна. Но когда мир управляем, а мы стараемся делать именно это, то становится в какой-то мере и предсказуемым. Если, конечно, все получается так, как мы планировали...

У меня дыхание сперло, я почти прошептал:

– А что... удастся иногда и... управлять?

Он усмехнулся.

– Работайте, Евгений Валентинович, работайте! Все увидите.

- Со временем, – добавил Жуков.
- И очень не сразу, – уточнил Цибульский злорадно.
- Но увидите, – утешил Арнольд Арнольдович.

Вечером я выкатил из супермаркета тележку с кучей продуктов, предпочитаю запастись сразу на недельку как минимум, крутил головой, пытаюсь вспомнить, где припарковал машину, за спиной раздался веселый вопль:

– Женька!..

Толя Ратник, веселый и раздобривший, облапил меня, помял, руки крепкие, чувствуется человек физического труда, оглядел с головы до ног.

- Что-то ты худой и бледный, как червяк... Мало получаешь?
- Да нормально, – ответил я, улыбаясь.

Он покосился на корзину из металлических прутьев, где, помимо хлеба и молока, еще и пакеты с экзотическими сортами сыра, нарезка ветчины и шейки, банка с красной икрой, десертные редкости.

- Вроде не голодаешь, – сказал он чуть ревниво, – все грызешь гранит... как ее, науки?
- Как и ты – кирпичи.

Он захохотал.

– Еще как грызу. И, знаешь, нравится. Когда смотрю на те дома, которые строил, такое чувство удовлетворения, будто Марью Семеновну трахнул! Ты хоть помнишь ее? Помнишь-помнишь, ее все мальчишки помнят... А когда мы наконец врубилась, почему она этим местом трется об угол парты, разговаривая с нами на уроке, какой был у нас шок, какие мы планы потом строили?

Я с досадой махнул рукой.

- И не придумали ничего лучше, как мазать углы парт мелом.

Он помрачнел.

- Да, идиоты были. Мне бы нынешние мозги тогда... Эх...

Я невольно расхохотался.

– Тогда бы ты не только Марью Семеновну, но и Ленку, что за тобой бегала, а ты не замечал...

– А какие у нас учительницы были, – сказал он мечтательно, – это только теперь понимаешь, что старше нас всего на пять-шесть лет, а тогда казались такими взрослыми тетками!.. Самое то бы их трахать, ночами это самое снилось, а наяву и подумать не могли...

– Ты что-то на учительшах повернут, – сказал я предостерегающе. – Сам чем занимаешься? Чем занят в этом квартале банкиров?

Он гордо подбоченился.

– Банкиров? А посмотри вон на тот небоскреб! Офис нашей компании. Меня, между прочим, назначили прорабом, вон приехал за утверждением. Говорят, если справлюсь, продвинут выше. Им нужны молодые и энергичные.

– Такие везде нужны, – заверил я. – А что ты пропал так внезапно? Мог бы позвонить хоть раз за все время!

Он сказал смущенно:

– Да знаешь, у меня так получилось, что и диск в компе дефрагментнул, и мобильник с тех пор пару раз поменял, так что все телефоны друзей гавкнулись. Кто живет рядом, те записал заново при встрече, а кто в другом районе, увы... Когда встречаюсь вот так, как с тобой, записываю заново.

Я удивился:

– Ты че, с Луны упал? В компе теперь бэкап по умолчанию, со старого мобильника просто вынимаешь карту и переписываешь на новый... Может, у тебя украли?

– Нет, жена настояла, чтобы купил попрестижней. А я к нему, гаду, никак не привыкну. Чересчур он, сволочь...

– Что?

Он замялся, подыскивая слова.

– Наглый. Смеется, что не те кнопки жму. Всякий раз выдает такое, что разбил бы о стену! А то, что мне нужно, прячет так, что сам никогда не отыщу.

– А мануал? – спросил я сочувствующе.

Он раздраженно отмахнулся.

– Двести страниц убористого текста со схемами и таблицами вдобавок! Вон мой Ванюшка сразу в нем разобрался без всякого мануала. Но не буду же я с собой таскать ребенка, чтобы объяснял, что и как...

Я спросил с сочувствием:

– Ты что же, носишь его только для престижа?

Он ответил с легким раздражением и обидой:

– Ты что, звоню, конечно. Но звоню, как с обычного телефона. Помнишь, у нас в квартирах стояли?.. А в этом гаде еще и фотоаппарат, диктофон, проигрыватель, радиоприемник и еще какая-то хрень. И на каждую – сотни настроек. Это слишком, как я считаю. Не нужно человеку столько. Нормальный человек должен понимать все. Знаешь, Женька, меня эта проклятая навороченная техника унижает!

Он в самом деле расстроился, пока рассказывал, лицо покраснелось, а глаза сверкали. Я с сочувствием сопел и разводил руками. Он мой ровесник, а что уж говорить о старшем поколении, что и мобильник берет в руки с опаской, на кухне предпочитает старую газовую плиту, а не современную с программным обеспечением и сотней функций, что умеет все, но сама ничего не делает, пока ей не дашь команду. А команду можно ей дать с мобильного, подъезжая к дому, чтобы успела включить и печь, и кофемолку, и чтобы, входя в квартиру, ощутил запах свежесваренного кофе, что только-только...

– Знаешь, – сказал я неуклюже, – меня тоже часто раздражает, что изготовители напихивают в один гаджет несколько устройств. Чаще всего таких, которыми не пользуемся.

– Вот-вот, – сказал он обрадованно. – А зачем они?

– Время такое, – вздохнул я, – впервые в мир пришла избыточность. Впервые! Мы по старой привычке стараемся понять все, как было раньше, но сейчас надо иначе.

– Как?

– Да просто не обращай внимания, – посоветовал я. – Вот в компе у тебя масса программ, ты же не стараешься понять, как работает Виндовз? Работает и работает. Так и с мобильником. Но только...

Он посмотрел с подозрением.

– Что? Договаривай.

– Все-таки осваивай, – договорил я, – хотя бы функции того, что тебе нужно. Мобильник не только хранит все номера, но сам позвонить может, если забудешь, он тебя и разбудит, как будильник, и напомнит о важной встрече, и все звонки тебе хранить может и записывать...

Я говорил правильные слова, но получалось вяло и занудно, сам с чувством неловкости понимал, что Ратник ничего этого не сделает. Его мысли заняты новым назначением, он уже прикидывает, как расставит бригады каменщиков, чтобы повысить скорость укладки кирпича. Ему нужен гаджет, что начинает служить ему сразу, а не требует долгого периода на освоение.

– Пиши мой номер, – велел я.

Он вытащил мобильник, в самом деле сверхнавороченный, изготовители эту модель позиционируют как «мужскую», то есть для широкой мужской ладони, а в такой объем постарались вбить столько, что этот мобильник только что картошку на кухне не жарит. Да и то, надо на всякий случай заглянуть в мануал...

Не доверяя ему, я сам вбил номер своего в недлинный, к удивлению, ряд, скопировал в долговременную память, засунул сразу в бэкап. Ратник с уважением смотрел, с какой легкостью я переключаю, перескакиваю из режима в режим.

– Здорово, – сказал он. – Ну прям как Ванюшка!

– Спасибо, – поблагодарил я. – Кстати, как он?

– Растет, – ответил он с гордостью. – На свой комп поставил какую-то игруху, теперь весь район в нее играет!

– Как это? И ты столько народу терпишь?

– Да нет, – объяснил он путано. – Он поставил такую игру, что по Интернету все играют. Теперь его комп уже не комп, а сервер!.. Игра не то вор чего-то там, не то циркуль... или отвес, не помню.

– Линейка, – сказал я.

– Вот-вот, – сказал он обрадованно. – И ты в него играешь?

– Не совсем, – сказал я. – Но близко, близко. Ладно, рад был с тобой повидаться! Если что, звони.

На другой день я то и дело вспоминал встречу с однокласской-прорабом, и даже когда собирал сведения о масштабах наводнения в Индонезии, перед глазами возникало его ликующе-смущенное лицо.

– Над чем задумались так глубоко, Евгений Валентинович?

Я вздрогнул, Глеб Модестович и Арнольд Арнольдович смотрят на меня отечески с легкой и даже с ласковой иронией.

Я смущенно развел руками.

– Какую-то программу адаптации бы разработать...

Арнольд Арнольдович смотрел непонимающе, Глеб Модестович переспросил:

– К чему адаптации?

– К быстрым переменам, – объяснил я. – Встретил одноклассника, который почти не умеет пользоваться мобильником. В смысле, пользуется им только на сотую долю его возможностей. А его родители так и вовсе не принимают усложнений даже в их же собственной квартире. Он им сделал ремонт, выбросил старую кухню, так вот старики... да какие они старики?.. Пятьдесят или шестьдесят лет, даже не знаю, никак не могут приспособиться даже к обычной для нас электронной программируемой плите!

Глеб Модестович кивнул, лицо стало сочувствующим.

– Да, таких миллионы. Нет, миллиарды.

– Вот я и думаю, – сказал я горячо, – как сделать так, чтобы следующая волна не смяла их вовсе? Сейчас уже живут в мире, где на смену обычным деньгам стремительно приходят кредитные карты. Покупки совершаются по инету, а в продуктовых магазинах можно расплачиваться прикосновением пальца. Везде электроника, начиная от входной двери в дом и заканчивая... нет, она нигде не заканчивается, а только расширяет и расширяет присутствие! Но что будет, когда компьютер, которого и сейчас многие боятся, станет управлять квартирой? Включать свет, будильник, соковыжималку, стиральную машину, посудомойку, климатизер и кондиционер?.. Да еще, чуть позже, начнет присматриваться к кровяному давлению, рекомендовать сменить диету, подсказывать, что трансляцию футбольного матча лучше не смотреть из-за риска повысить до опасного уровня кровяное давление...

Они слушали терпеливо, переглянулись, Арнольд Арнольдович смолчал, а Глеб Модестович сказал раздумчиво:

– Я не думаю, что эта задача является приоритетной.

Он посмотрел на Арнольда Арнольдовича явно за поддержкой, тот нехотя кивнул.

– Да-да, Евгений Валентинович, сейчас есть более насущные задачи.

– Делаю, – заверил я. – Пока что я укладывался в сроки. А насчет адаптации... это так, в свободное время. Но когда-то придется заняться всерьез. И лучше раньше, проблема уже назрела. Более того, ее надо было начать решать еще вчера.

Они снова переглянулись, Глеб Модестович сказал с затруднением:

– Евгений Валентинович, я не хотел этого говорить, но мы хорошо знаем эту проблему. А кто предупрежден, тот вооружен, как говорили римляне.

Я спросил с облегчением:

– Значит, над этой проблемой работают?

Арнольд Арнольдович хмыкнул, Глеб Модестович развел руками.

– Евгений Валентинович, я сейчас не могу вам ничего сказать. Вам остался всего один ап до того... как узнаете намного больше. Если доживете, перед вами раскроются все наши тайны... и ваши сомнения рассеются.

Я пробормотал:

– Простите, я по наивности полагал, что только я ем сено, а остальные – солому. Извините! Я пошел, пошел, пошел трудиться.

Арнольд Арнольдович сказал в спину очень дружелюбно:

– Евгений Валентинович, мы очень ценим вас!

– Спасибо, – сказал я уныло, – что не вдарили.

Глава 11

В кабинете я попытался сосредоточиться на работе, но что-то тревожило, я отмахивался, влезал в дебри философских построений основ будущего общества, однако мысль упорно возвращалась к словам Глеба Модестовича.

Возможно, над проблемой адаптации населения к быстрым и резким переменам работает большая группа специалистов, которым я и в подметки не гожусь. Конечно, я не поверю, что есть на свете умнее меня, все мы считаем себя самыми умными, но примем за рабочую гипотезу, что такие есть.

Так вот я не вижу следов работы этих умников. Народ по-прежнему уверен, что в будущем у них будут разве что автомобили круче и морды шире, и когда придет вторая шоковая волна, слабые сойдут с ума, а сильные бросятся крушить лаборатории, институты и заводы, что порождают такую технику.

Страшнее всего то, что почти следом за второй волной нахлынет третья. Люди не успеют смириться с последствиями второй, как на улицах появятся киборги, виртуальная реальность смешается с пополненной, исправленной и затем с реальной, непонятные существа будут возникать из ниоткуда и пропадать прямо на месте, все – на немислимых скоростях... И все это те, кто переживут и примут шоковые волны, будут считать это нормальной жизнью, а остальные ощутят себя в мире, захваченном инопланетянами. Неужели наши этого не понимают?

Сегодня обратил внимание, что вообще-то уже во всех странах законы слегка и как бы незаметно подправлены, чтобы верхним было проще жить и проще править. Не так давно Чейниш, один из очень богатых людей, хоть не входит даже в первую тысячу самых богатых, в пьяном виде на полном ходу сшиб мужчину с двумя детьми на тротуаре. Все – насмерть. Раньше этого было бы достаточно, чтобы отправить на электрический стул, но по нынешним законам в суд должен подать именно пострадавший, в данном случае – безутешная женщина, разом потерявшая мужа и двух детей. Однако Чейниш сразу же предложил ей пять миллионов долларов, она потребовала десять, сошлись на семи, и суда не последовало.

Еще, помню, кто-то из высоких чиновников тоже в пьяном виде задавил несколько человек, одного – когда тот переходил дорогу в неполюженном месте, и еще четверых, когда удирал от полиции. И снова удалось откупиться, хотя пришлось отдать сорок миллионов. Правда, когда на счету восемьсот миллионов, то потеря сорока – это совсем не потеря.

Этот новый институт сделки с правосудием и мировых соглашений чем-то хорош, чем-то отвратителен. С точки зрения целесообразности я еще не просчитал все его плюсы и минусы, но вообще-то заняться этим стоит, тенденция к ослаблению демократических ценностей замечается по всему миру.

Правители без стеснения передают свои выборные посты детям, будь это Буш-старший Бушу-младшему в демократической Америке, пожизненные президенты в полудемократических Азербайджане, где тоже от отца к сыну, в Ливане и прочих египтах. Президент Аргентины передал президентство жене, про тоталитарные каэндээры и говорить нечего, там это в порядке вещей. Вообще, вся элита общества совокупляется только в своем кругу, женится и разводится, и тут уж неважно: политическая, финансовая или артистическая элита – все ведут себя одинаково и все больше обособляются от «простых», хотя по инерции все еще говорят о политкорректности и внимании к «маленькому человеку» Достоевского.

Словом, миновало то умопомрачение, когда были сломаны все сословные перегородки и всех-всех уравнивали в правах, превратив в однообразную серую массу. Так длилось достаточно долго, но постепенно природа, как говорится, взяла свое: свиньи упорно лезли в грязь, волки втихую начинали драть овец, а орлы перестали ползать, «как все», и воспарили в небеса.

Расслоение общества началось заново, на этот раз уже не по тому, кто кем рожден, а кто что может. У простолюдина по-прежнему остаются шансы подняться до элиты, хотя бы через науку, но этих шансов все меньше и меньше: у генералов от науки тоже есть детки, свояченицы...

При ближайшей встрече с Глебом Модестовичем я изложил свои взгляды на эту проблему как можно более доступно, генералы не должны вникать во все, им надо давать готовое, но он все равно не совсем вник даже в разжеванное, спросил с горестным недоумением:

– Евгений Валентинович, почему у вас такая ненависть и презрение к правам человека?

Я жался, трудно что-то объяснять общечеловеку, а в Глебе Модестовиче эта общечеловечность сочтена из всех ноздрей, но он смотрит добрыми коровьими глазами, часто моргает и сопит жалобно, я ответил без охоты:

– У меня нет к ним ни того, ни другого.

– Но как же...

– Глеб Модестович, честно, ей-богу!

Он развел руками, глаза беспомощно замигали.

– Но вы так отзываетесь о них.

В кабинет бесцеремонно зашел Цибульский, кивнул панибратски и начал рыться на полках, словно в своем сарае запчастей для машины. Я вздохнул, но до обеда еще десять минут, ответил с терпеливой безнадежностью:

– Это не презрение. Кому-то нужно заглядывать дальше. Права человека уже не надо защищать – они утвердились. Их и защищать сейчас как-то неловко, не находите?.. Что-то эти защитники помалкивали, когда в их странах были диктаторские режимы! А как только пали, так эти герои начали кричать громче всех о свободах и правах.

Цибульский оглянулся через плечо, я уловил хитрый огонек в глазах. Глеб Модестович смотрел угрюмо, порывался возразить, но интеллигентность не позволяла, наконец сказал, защищаясь:

– Я не жил при диктаторских режимах!

– Наши ведущие правозащитники жили, – напомнил я. – Вернее, ваши. Но тогда были исправными партийными функционерами. И не на последних ролях, кстати! А потом вдруг быстренько перестроились. Эта гнусность тогда так и называлась «перестройка». Не помните? Поройтесь в печати тех лет. Я читал внимательно, это моя профессия... Везде перестроившего человека считали подонком, а у нас это стало государственной политикой. Утром были рьяными коммунистами, а в обед по сигналу сверху стали защитниками свобод и яркими антикоммунистами!.. Ну да ладно, все человеки, я все равно их не презираю, хотя стоило бы.

– Так в чем же тогда...

Я посмотрел на часы.

– Как вам сказать... Как я уже вякнул, кто-то должен смотреть и дальше. За горизонт. Находились люди, что заглядывали за этот виднокрай, когда права человека были еще в подполье! Сейчас они вот, наяву, в них живем.

– По ним живем, – уточнил он.

– Вот-вот, по ним. А раз так, то позарез надо знать, что дальше за этими правами! Это плохо, когда горизонт приблизился вплотную. Простому электорателю неважно, что за горизонтом, а политик обязан видеть!

Он хлопал глазами, старался понять, мне стало его жалко, не люблю ломать укоренившееся мировоззрение людей, хороших людей и хорошее мировоззрение. Понимаю, Арнольд Арнольдович или даже грубоватый Жуков не хотят вторгаться в такие деликатные области, Глеб Модестович у всех вызывает симпатию, но, по мне, раз уж настойчиво домогаешься «правды», то получи – жестокую и неудобную.

– И что, – спросил он почти шепотом, – там... на следующем витке?

– Ожидаемая неожиданность, – ответил я.

– Это... как?

– Право интеллектуального меньшинства, – ответил я без всякой жалости. – Дурость и перегибы системы прав человека уже сейчас достигли той стадии, что высоколобые наконец перестали чувствовать свою вину, что умнее и талантливее слесарей и домохозяек. И неминуемо возьмут власть в свои руки. Уже берут, присмотритесь! Слесаря же должны хорошо слесарить, а домохозяйки – хозяйничать в доме. Но не управлять государством.

Цибульский вытащил огромную коробку и удалился с нею, бережно прижимая к пузу. Глеб Модестович молчал, я даже удивился, что не спорит. Возможно, и сам смутно понимает, что не все так хорошо, если общество в первую очередь откликается на массовые запросы, что значит – запросы далеко не интеллектуалов. Наконец задвигал кожей на лбу, заморгал, я думал, что сейчас втянется под черепаший панцирь устоявшегося мнения, под ним спокойно и уютно, там он «как все люди», тем более – интеллигентные, но он поинтересовался как будто уже деловито:

– Значит, и на том витке права будут?

– Именно на том и будут, – ответил я с облегчением. – Справедливые! Сейчас эти «права», как асфальтовый каток, придавили и уравнили всех. Вернее, распластали! В начальной стадии внедрения прав это было прогрессом: тогда больше прав было у людей хитрых и нечистых на руку, что сумели взобраться на вершину власти... Их уравнили в правах со слесарями, что правильно, но со слесарями нельзя уравнивать и тех, кого условно назовем профессурой...

В обед, когда мы уютно расположились в кафе, я все еще чувствовал неловкость за свою ультрость, но помалкивал, когда долго расправлялись с холодными закусками, и только за горячими блюдами заметил, что Цибульский поглядывает на меня хитро, словно собирается тайком сунуть за шиворот ящерицу.

Я закончил с бифштеком, остались сырники и чай, он придвинулся ко мне со стулом и сказал заговорщицки:

– Евгений Валентинович, вы очень хорошо объяснили нашему добрейшему Глебу Модестовичу насчет прав.

– Спасибо, – сказал я настороженно.

– На здоровье. И даже в той области, что именно придет после правового общества...

– Спасибо, – повторил я, – но, чувствую, меня занесло, как Остапа. Новичку непозволительно так широко раскрывать хлебало. Все-таки я еще слишком мало знаю.

– И все верно объяснили, – договорил Цибульский, он чуть улыбнулся. – Тогда не зацикливайтесь на этом.

– На чем?

– На пропаганде между нашими сотрудниками.

– Да это я от безделья, – ответил я. – До обеда было время, а новую работу десять тысяч курьеров еще не принесли.

– Понимаю. Но все равно... Скажу по секрету, что мы уже знаем, что будет после правового.

У меня вырвалось невольное:

– Что?

Он хитро улыбнулся.

– Постарайтесь апнутья. Тогда эта информация станет доступной и для вас.

Апанье, понятно, хоть и зависит от моих усилий, но оценивается вышестоящими товарищами. Сочтут, что достоин апа, – хорошо, нет – нет, а могут еще и понизить лэвэл, мы в демо-

кратическом мире, где терять еще легче, чем находить. Мое дело – пахать и пахать. Однажды приснилось, что потерял работу, проснулся в холодном поту. Даже не из-за высокой зарплаты: о таком поле деятельности раньше даже мечтать не мог...

Еще с первой недели слышал про массажные кабинеты для наших сотрудников, но столько работы, что игнорировал, но сегодня Жуков и Цибульский чуть ли не силой затащили меня, объяснив, что после массажа буду работать еще лучше.

Уютный кабинет, стандартный стол, разве что добавочные валики для головы и ног, но вместо здорового массажиста у стола в ожидающей позе стоит чуть ли не дюймовочка с тонкой фигурой, слишком хорошенькая для того, чтобы быть... настоящей массажисткой.

– Ладно, – пробурчал я, отступить поздно, – только самый общий. И недолго.

– Как скажете, – ответила она нейтрально.

Я лег мордой вниз и закрыл глаза. Не знаю, был ли я обрадован или больше разочарован, но у нее оказались сильные руки со стальными мышцами, умело и точно находила в моей спине участки с отложениями извести, безжалостно разламывала, растирала, заставляя не только морщиться, но и всхрюкивать от боли. Потом взялась за ноги, холодно и точно назвала все признаки болезней людей моей профессии, сообщила, что у меня наверняка начинается простатит и даже аденома, хоть пока и небольшая, но, к счастью, не полезла проверять.

Заканчивая, заставила перевернуться, промассировала руки и грудь, а когда закончила, ехидно улыбнулась.

– Разочарованы?

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Неужели во мне столько болезней?

– В зачаточном виде, – успокоила она. – Первая стадия, редко где вторая. Но кое-что уже пора лечить. Я выпишу рецепты.

Я торопливо оделся, лицо ее покраснелось и покрыто бисеринками пота.

– Господи, вы еще и врач?

– Я хороший врач, – ответила она с достоинством. – А массаж – мое хобби. И подработка.

– Все как у меня, – сказал я. – Спасибо... как вас зовут?

– Елена. Приходите еще.

– Спасибо, Лена.

В коридоре встретил Тарасюка, тот с интересом посмотрел на мое разруганное лицо.

– Евгений Валентинович, у вас такой вид, будто только что рассказали неприличный анекдот!

Я помотал головой.

– Нет. Зато прошел через массаж. Это покруче любого анекдота. Но в самом деле здорово!

– Приятно, – кивнул он. – Очень приятное действо.

– Чувствую себя посвежевшим, – сообщил я.

Он кивнул снова.

– Да. Кстати, интересная тема для психологов. Известно, что польза от массажа если и есть, то близка к нулю, но так как удовольствие немалое, то наше подсознание начинает как бы реабилитировать это времяпрепровождение. Ну, как подростки могут доказывать пользу дискотек или потребление пива... Интересный феномен!

Я пробормотал:

– Но я в самом деле чувствую себя обновленным.

– Вы лежали почти час, – напомнил он ехидно, – расслабляли свое тело. И без массажа отдохнули бы... А взбадривающий массаж все равно уступает чашечке крепкого кофе. Даже крохотной чашечке!.. Но нам настолько приятно чувствовать, как наши мышцы трогают, трут,

теребят, растягивают, что придумываем в оправдание своего ничегонеделания, будто оздоравливаемся и все такое...

Глава 12

Сегодня домой заявился сравнительно рано, только-только закончился час пик, все успели поужинать, и кто перед телевизором попивает пивко, кто поспешно включает комп и с разбега бросается в онлайнный мир байм, а я, все-таки не будучи асексуалом, с тоской посмотрел в окно, где к станции метро бегут молоденькие созревшие девчонки, трясут сиськами и попками, начнут сексуальность еще на станции, потом в вагоне, на дискотеку прибегают уже разогретые, с блестящими глазами и сочными ротиками...

Я ругнулся, к окну так и тянет, а еще к телефону, есть с десяток веселых молодых женщин, готовых приехать немедленно, с ними прикольно, легко, удобно, но что-то во мне протестует то ли от старомодности, из-за чего я постоянно чувствую себя обязанным чем-то отплатить, то ли от врожденного недоверия ко всему, что легко достается.

Правда, теперь женщин добиваться не надо, то дикое пещерное время ушло, теперь чаще они добиваются мужчин всеми способами, даже курсы такие и учебники есть, но все равно я осторожен. Тем более, поднимаясь со ступеньки на ступеньку в своей организации, как бы я ни помалкивал о своих успехах, женщины все замечают по косвенным признакам: прекрасной квартире, постоянно обновляемым автомобилям, моим командировкам...

Вздыхнув, я включил комп, у меня четырехъядерный, загрузка с отдельной флеш-памяти, так что к работе готов через несколько секунд. Кликнул на значок инета, однако вместо страницы новостей на экране задвигались в эротическом танце голые девушки, сочные и ухоженные, с крупными чуть провисшими сиськами, это сейчас входит в моду, а жопы без намека на тату, ибо татуировки имитируют одежду, а тут сама порочная обнаженность...

Ругнувшись, я восстановил исходную страницу запуска, щелкнул по значку файервола и велел скачать обновления, а то неутомимые хакеры ухитряются взламывать защиту и всобачить рекламу вот так нагло и напрямую. Прошли те золотые времена, когда хакеры просто хулиганили, а теперь ни один пальцем не шелохнет, если хорошо не заплатят. А за возможность разослать вот так прямо на экраны фотографии голых баб с их телефонами и уверениями в полной конфиденциальности – самое то, за что платят. Ведь я, если честно, с полминуты рассматривал их сиськи и жопы, а если напрягу память, то даже сейчас могу вспомнить и телефон, и адрес сайта...

Мысль продолжала обрабатывать идею, я получил на экран не просто голых баб, а именно самых ухоженных и, следовательно, дорогих. Как будто хакеры умеют по каким-то данным определить, у кого самые дорогие компы, из тех, что месяца два-три продаются по бешеной цене, а потом их стоимость падает в три-четыре раза, и они поступают в свободную продажу для рядовых юзеров...

Мелькнула тревожная мысль, что это кто-то из нашей организации так подшутил... хотя подшутил ли, это может быть и какой-то проверкой, нас же все время проверяют и прощупывают, так что держаться надо настороже.

Хотя, если верить спинному мозгу, то у меня стойкое впечатление, что высшему руководству по фигу наш моральный облик. И если бы половые забавы могли повысить работоспособность мозга, то нам бы порекомендовали не только баб с вот такими жопами, но и за счет фирмы обеспечили бы соответствующими животными, инструментами и прочим-прочим.

Но, как известно, перегиб в сексе не просто вредит работе, а сказывается на ней катастрофически. Потому мы все предпочитаем недотрахать, чем переборщить на этом поприще.

Я тупо уставился на вышедшую на середину экрана строгую девушку в больших роговых очках, скромной блузке и в длинной юбке. Она сообщила мне, что раз я принимаю ее на работу, то могу изменить ей не только облик, но и поправить фигуру.

Ага, мой мозг снова выкинул хитрый финт. Пока я размышлял о хакерах и способах взлома, а затем инсталлировал новую версию файервола, пальцы как бы сами по себе тайком включили Электронную Девушку, и теперь она в центре, а по бокам масса настроек. Ну да, одежду могу сменить на самую легкомысленную, а то и вовсе раздеть догола, волосы в моей воле удлинять, укорачивать, менять цвет, но это все фигня в сравнении с тем, что могу ей сделать вот такие сиськи... нет, сделаем еще больше... еще... Нет, это чересчур, давай посмотрим, в каких пределах можно задавать значение жопы и пилотки...

Заинтересовавшись, девелоперы молодцы, каждый месяц закачивают патчи с новым контентом, я прогнал секретаршу по двум новым комнатам офиса, снова изменил ей вымя, добавил амплитуду раскачивания в определенных позах...

...и ощутив, что довел себя до оргазма, не стал сдерживаться, после чего сбегал в ванну, а затем с чистой совестью и прояснившимися мозгами сел за разработку проекта по навязыванию населению Пакистана новой системы выборов в законодательное собрание.

Потому, проговорил я мысленно, надо быть подозрительным по отношению ко всем-всем! Все хитрые гады, все. Даже Эммануэлла – хитрая лисичка, что так охотно прыгнула в постель.

Лучше всего следить, добавил уже тише, а то вдруг и мысли скоро начнут читать, могут именно «свои».

На другой день с утра весь отдел собрался у Глеба Модестовича, подводили итоги. Его самого то и дело вызывали на связь в отдельную комнату, он уходил бледный и расстроенный, взъерошенный больше обычного. Я страшился и подумал, с кем же разговаривает в такой тайне, а пока его нет, я сам спровоцировал разговор о проблемах пола. Как только огонек разгорелся, я скромно умолк, тихонько сопел в уголке, почтительно слушал, как мичман генералов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.